О. Е. Войцеховская–Брендель

ТАЛАНТ и ЖЕНСТВЕННОСТЬ

Марина Эшба сквозь призму воспоминаний

Сухум
2019

УДК 730
ББК 85.13(5Абх)-8
В 65

г/р 978-5-166-28-06019

Войцеховская–Брендель О. Е. Талант и женственность.
Марина Эшба сквозь призму воспоминаний // Сухум. 2019. 80 с. 56 илл.

Судьба скульптора Марины Эшба — яркой неординарной женщины,
представлена читателям в воспоминаниях родных, друзей и коллег.

УДК 730
ББК 85.13(5Абх)-8

Литературный редактор Соловьева Ю. П.

Компьютерная верстка, дизайн-макет Садзба С. И.
Корректор Габуния М. Д.

Управление проектом:
Абрамян–Эшба В. А.
Соловьева Ю. П.
Хварцкия И. И.

Я не могу представить себе искусства вне социальных условий, в которых находится данный народ.

А. Виноградов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Для автора этих строк наступило время, когда в лучший мир уходит все больше и больше спутников жизни, любимых людей.

«Все души милых на высоких звездах,
Как хорошо, что некого терять», — как когда-то написала Анна Ахматова.

Скоро 20 лет, как не стало моей мамы Ольги Брендель. А через три года после ее ухода не стало на Земле еще одного близкого и родного мне человека — Марины Эшба.

Марина и Ольга были самыми близкими подругами на протяжении почти 40 лет. И только смерть одной встала на пути удивительных и верных отношений двух сильных духом женщин, двух мощных личностей и характеров.

Так что для меня, Ольги-младшей, было естественно расти в окружении сразу двух мам. Во всяком случае, так я их воспринимала с самых ранних лет.

Теперь, когда счастливое время кануло в вечность, я все чаще возвращаюсь мыслями в прошлое, а оставаясь наедине, всматриваюсь в произведения матери. Я помню, когда, при каких обстоятельствах, была написана буквально каждая ее работа. Я пересматриваю и по-новому воспринимаю собственную жизнь и получаю стимул писать о современных художниках Абхазии.

Я хорошо помню, как впервые познакомилась с Мариной Эшба, как она появилась в нашем доме и как меня поразило слово «скульптор». А напомнил мне то время портрет моего деда, Владимира Николаевича, выполненный моей мамой Ольгой Брендель.

Это была искра. И, согретая этой искрой, захотела я превратить этот проблеск прошлой жизни в пылающий очаг воспоминаний — и не только собственных.

Мне удалось собрать высказывания представителей абхазской интеллигенции о жизни и творчестве Марины Эшба, Марины — прекрасной женщины, выдающегося скульптора, смелого человека, общественного деятеля, как бы выспренно это ни звучало, настоящего борца за свободу своей любимой абхазской Родины.

Собирая по крупицам воспоминания знавших Марину Ефремовну, я еще раз убедилась, что люди воспринимали её как личность, для которой искусство и человек составляли нерасторжимое целое.

Но есть ещё одна причина, подтолкнувшая меня обратиться к воспоминаниям о Марине Эшба. Почти сразу же после смерти Марины я повстречала на улице Миру Константиновну Хотелашвили–Инал-Ипа. Мы с ней долго говорили, в том числе и о невосполнимой утрате для Абхазии, о том, что не стало Марины Ефремовны.

Тогда-то Мира Константиновна и стала убеждать меня написать о Марине, говорила, что никто не знал ее так близко, как выпало знать мне. Не скрою, слова Миры Константиновны запали мне в душу, и я стала чувствовать необходимость исполнить свой долг перед близким мне человеком. Моя ответственность росла с каждым днем.

Однако чтобы воплотить образ женщины такого масштаба на бумаге, мне нужно было восстановить в памяти год за годом всю мою жизнь рядом с ней, или, точнее, всю жизнь нашей семьи в переплетении с жизнью Марины, ее семьи, сына Володи, сестры Лизы, племянника Виктора и многих других, связанных с ней людей.

Теперь я с удовлетворением могу отметить, что в меру своих сил выполнила обещание, данное самой себе и уважаемой Мире Константиновне Хотелашвили–Инал-Ипа.

Талант и женственность

Биографический очерк

В 1921 году состоялся брак Ефрема Эшба с Марией Щигровской. А уже в 1924 году выдающийся абхазский революционер, борец за независимость Абхазии Ефрем Алексеевич Эшба[1] с группой товарищей был направлен ЦК Коммунистической партии Советского Союза в Народный комиссариат внешней торговли СССР с указанием — «Для работы в Англии».

20 июля того же года вдали от Родины, в Лондоне, у молодой четы рождается дочь Марина. Однако не прошло и года, как семейству пришлось возвращаться в Москву, поскольку в Англии в этот период начались преследования советских представителей. Переезд был трудным. Особенно для ребенка восьми месяцев от роду.

Вернувшись в Москву, Ефрем Эшба начинает работать в аппарате Рабоче-крестьянской инспекции СССР в качестве руководителя группы по внеплановой инспекции, а в начале 1926 года его направляют на работу в г. Грозный. Он был избран секретарем Чеченского оргбюро ВКП(б).

Партийная работа оставляла Ефрему Эшба очень мало времени для домашних забот. Тем не менее молодая жена создавала домашний уют, маленькая дочь росла в атмосфере любви, дружбы, взаимопонимания и поддержки, а 16 января 1926 года в семье появляется вторая дочь — Елизавета, Лиза Эшба.

Есть старинное фото, которое, кстати, помещено в книге Георгия Алексеевича Дзидзария. На нем запечатлено все семейство Эшба–Щигровских, и в девочке с печальными глазами легко узнать старшую Марину. На этом снимке ей четыре года.

В 1928 году Ефрем Эшба занимает пост заведующего инспекцией Амторга в Нью-Йорке (Торговое представительство Российской Федерации в США неофициально выполняло дипломатические посольские функции. — ***О. В.–Б.***). С самого детства Марина усвоила, что значит жить насыщенной жизнью, жить для людей. Так жил ее отец. Он был целиком погружен в работу. На каждом ответственном посту, какой бы ни доверила ему партия.

Так что воспитанием своих девочек он занимается хоть и с огромным удовольствием, но все-таки намного меньше, чем его прелестная жена Муся и, конечно, меньше, чем ему бы самому хотелось.

Но положение отца в обществе, постоянные переезды семьи закаляли маленькую Марину. Она уже с малых лет осознавала, каким должен быть облик и характер человека, который руководит коллективом и стремится сделать как можно больше для людей. Она с детства впитывала манеру поведения и какие-то присущие отцу привычки.

В 1936 году Марина теряет отца, а спустя три года после ареста следы его и вовсе исчезают. При этом его старшей дочери было только 12 лет.

---

[1]См. примечание 1 на стр. 78.

Только недавно стали известны подробности гибели Ефрема Эшба. Он был расстрелян на Лубянке и похоронен на территории бывшего закрытого объекта НКВД в поселке Коммунарка бывшего Троицкого района Подмосковья, 21-й километр Калужского шоссе (теперь это Новая Москва).[2]

Ефрем Эшба и Мария Щигровская

Несмотря на всю трагичность ситуации, Марии Владимировне удалось сохранить в семействе Эшба–Щигровских светлую, наполненную любовью атмосферу. Она смогла воспитать обеих дочерей любящими мир, очень нежно привязанными друг к другу и, как мы уже знаем теперь, сохранившими эти чувства до конца жизни.

В трудной обстановке посчитала правильным, чтобы её дочери Марина и Лиза покинули Москву и закончили школьное образование в Абхазии, в Очамчыре. Аттестат об окончании школы Марина получила в 1943 году.

Учась в Очамчырской школе, Марина проявляла способности к математике, и все предрекали ей будущее ученого именно в этой области. После окончания школы начала работать на одном из промышленных предприятий помощником бухгалтера. После Великой Отечественной войны Марина Эшба поступила в Тбилисский политехнический институт. Но несмотря на то что училась она успешно, вдруг бросает уже налаженную жизнь и поступает в Московский институт декоративно-прикладного искусства.

Основы скульптурного мастерства Марина постигает у самой Екатерины Белашовой — очень известного скульптора. Для защиты диплома студентка из Абхазии выбрала образ полководца Александра Суворова. Она вылепила его в состоянии творческого подъёма и на защите диплома, которая состоялась в 1951 году, получила отличную оценку.

С 1953 года Марина начинает работать в мастерской Георгия Мотовилова — лауреата Государственной премии СССР (1950 г.), выдающегося мастера монументально-декоративной скульптуры, члена Академии художеств. Мотовилов известен еще и как оформитель станций Московского метрополитена, и как автор памятника Алексею Толстому в Москве (1954 г.).

В то время, когда Марина начала работать у него в студии, они как раз получили ответственный заказ — студии было предложено создать образ рабочего для установки у Дома науки в центре Варшавы, столицы братской Польской Народной Республики.

Участвовала Марина и в оформлении Севастопольского государственного русского драматического театра рельефными скульптурами. Она создала образы великих представителей театрального искусства — портреты К. Станиславского, М. Щепкина, М. Ермоловой.

---

[2] См. примечание 2 на стр. 79

Вход в Дом-музей Марии Николаевны Ермоловой в г. Москве украшен силуэтом актрисы, выполненный в соответствии с портретом на барельефе работы М. Эшба[3].

Ею был исполнен и портрет композитора М. Мусоргского для Советского павильона на Всемирной выставке в Брюсселе в 1957 году. Скульптору удалось выразить в портрете композитора его высокие патриотические чувства.

Медальерное искусство в бывшем СССР широко развернулось только во второй половине 50-х годов прошлого века. И Марина была в числе тех, на чью долю выпала честь быть участником этого начинания. Все самые значительные проекты в этой области искусства она выполняет вместе со своей московской подругой и единомышленницей, известным скульптором-медальером Верой Акимушкиной.

Во время подготовки к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве среди советских скульпторов был объявлен конкурс на изготовление проекта памятной медали в честь фестиваля. В конкурсе М. Эшба занимает третье место. Успех вдохновил ее на дальнейшую работу в этом жанре изобразительного искусства: Марина готовит памятную медаль в честь 400-летия присоединения Черкесии к России, затем — в честь 40-й годовщины Советской Армии. Обе медали получают высокую оценку, и Ленинградский монетный двор чеканит их.

Спустя некоторое время (1958 г.) она принимает участие в конкурсе ведущих скульпторов на изготовление проекта памятной медали «Москва строится», посвящённой 800-летию со дня основания города. В этом конкурсе Марина Эшба одерживает блестящую победу. Её проект памятной медали признан лучшим.

Вскоре Марина получает особый заказ: ей предложили изготовить памятную медаль к 40-летию гибели 26 Бакинских комиссаров. Проект медали получил высокую оценку.

Памятные медали «Москва строится» и «26 Бакинских комиссаров» были отчеканены Ленинградским монетным двором.

Мариной Эшба также выполнены эскизы медалей «50 лет Институту экспериментальной патологии и терапии АМН СССР», «150 лет со дня рождения Н. А. Некрасова» (1958 г.).

Казалось, что Марина должна быть довольна жизнью, она радовалась счастью сестры Лизы, которая уже вышла замуж, и ее супруг Абрек Ашотович Абрамян был тепло принят в кругу семьи Эшба–Щигровских. Да и сама она, как любая молодая женщина мечтала найти того, кто будет ей до-

[3] **Б. Аджинджал.** Творец // Республика Абхазия.2004. № 11. С. 6–7.

рог и любим. Но в то же время Марина осознавала, что не мыслит своей жизни вне Абхазии. Ее манила Родина. Она стремилась в Очамчыру, в которой закончила школу. Как раз в этот период она знакомится с Тариэлом Аршба — ведущим корреспондентом газеты «Советская Абхазия». Небольшая разница в возрасте (Тариэл был моложе Марины) для абхазов никогда не являлась помехой к браку. Оставив Москву и друзей, Марина выходит замуж и уезжает в Сухум. А в январе 1960 года на свет появляется Владимир Тариэлович Аршба, любимый сын Володя.

Поначалу Марина посвящает себя семье. Однако со временем она начинает сознавать, что не вправе полностью отдавать себя дому. Уход за ребёнком, обеды, заботы жены и матери отнимают много времени, а она привыкла к многочасовым работам в мастерской и не представляет без этого своей жизни. В конце концов был найден выход: в доме появилась молодая девушка Нина, которая взяла на себя часть домашних забот.

В апреле 1960 года Марина Эшба впервые участвовала как художник и скульптор в выставке изобразительного искусства Абхазии, посвященной 90-летию со дня рождения В.И. Ленина. Посетители выставки познакомились с памятными медалями, выбитыми по ее эскизам в честь 40-летия со дня гибели 26 Бакинских комиссаров, 40-летия Советских Вооруженных Сил, а также посвященными запуску первого искусственного спутника Земли и другими работами, широко известными в СССР и за рубежом.

В экспозиции были представлены два станковых портрета, уже сделанные в Абхазии —Ясона Ажиба и Андрея Чочуа.

Оба портрета получились очень удачными. Было очевидно, насколько скульптора волнует человеческое лицо. В образе Ясона Ажиба читается недюжинный героический характер. От глаз профессионалов не могло укрыться, что силу и вдохновение скульптор черпала в собственной мощной натуре. Критики сходились во мнении, что в первом же портрете, выставленном в Абхазии, мастер воссоздала черты, присущие лучшим представителям своего народа.

М. Эшба, обращаясь к Я. Ажиба с предложением вылепить его портрет, была прекрасно знакома с ним. В то же время и в последующих станковых портретах М. Эшба продолжает воссоздавать национальные черты своих современников.

Она создаёт портрет председателя колхоза «Дурипш» села Дурипш Гудаутского района, депутата Верховного Совета СССР Василия Лакоя. Портрет получился очень живым, а главное — он тоже сочетал в себе характерные типические черты абхаза-мужчины и особые черты героя. В 1962 году портрет Василия Лакоя был представлен на выставке.

В феврале 1963 года была открыта выставка работ мастеров изобразительного искусства Грузии: экспонировались и работы нескольких представителей Абхазии. Среди них портрет председателя колхоза «Дурипш» В. Лакоя, выполненный в бронзе, выделялся особо. Он был включен в фонд Министерства культуры Грузинской ССР.

Творчество Марины Эшба в 1961 году высоко оценивали как в Абхазии,

так и в Грузии. Марина становится не только заслуженным деятелем искусств Абхазской АССР, но и заслуженным деятелем искусств Грузинской ССР.

Такое высокое звание представители искусства Абхазии получали не часто. В большинстве случаев деятелями Грузинской ССР становились люди в возрасте, спустя десятилетия с начала творческой деятельности.

М. Эшба получает звание «Заслуженной деятель искусств Грузинской ССР» по прошествии трех лет после приезда в Абхазию, в возрасте 37 лет. Безусловно, при этом комиссия учла также произведения М. Эшба, выполненные в Москве.

Чтобы в Абхазии все знали об успехах Марины Эшба, в газете «Советская Абхазия» за 1962 год при оценке ее работ было указано, что она является заслуженным деятелем искусств Грузинской ССР.

Одной из лучших работ М. Эшба является «Портрет старой абхазки» («Мамида»). Типически обобщенный образ старой женщины, проживающей в одном из сел Абхазии. Необычайно красиво накинут на голову платок. Живая, подвижная поверхность скульптуры способствует выявлению сложных взаимоотношений между видимым и скрытым. На выставке эта работа была представлена в апреле 1962 года.

Знакомые со скульптурой Анны Голубкиной «Старость» (1898 г.) могут заметить некоторое сходство в работах. Однако вытянутость основания портрета за счет платка придает работе Марины Эшба большую красоту и индивидуальность.

В мае 1963 года в «Советской Абхазии» была помещена небольшая заметка, в которой говорилось, что речь Н.С. Хрущева, посвященная художникам, придала новые силы и творческую энергию людям искусства, появилось много интересных замыслов, планов. Мастерам изобразительного искусства есть о чем поговорить, обменяться мнениями. В качестве иллюстрации к заметке было помещено фото группы художников (Варвара Бубнова, Марина Эшба, Гиви Рухадзе, Николай Табукашвили), на котором коллеги внимают самой старшей из них.

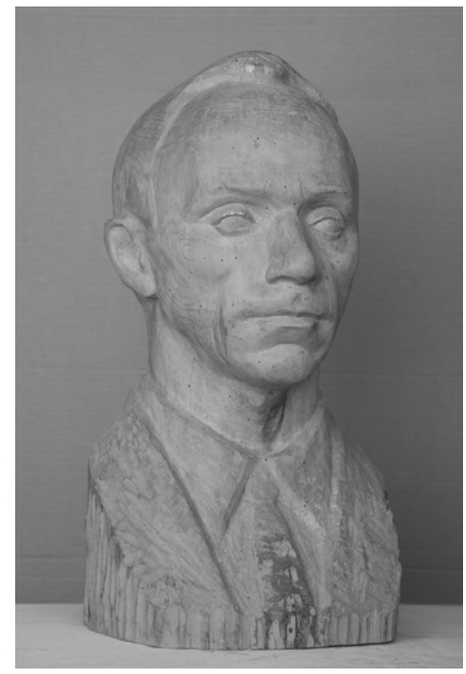
Марина на фото расположена на втором плане, но автор снимка постарался сделать так, чтобы читатель мог сразу обратить внимание именно на нее, с каким неподдельным интересом она внимает Варваре Бубновой, а главное, какое у нее превосходное настроение и как она красива духовно и физически.

Сегодня мы можем только предположить, что такое внимание к художнице — дочери Ефрема Эшба — со стороны партийных и советских органов не могло быть случайным. Было особое указание всячески подчеркивать близость дочери выдающегося политического вождя к народу.

По мере создания Мариной Эшба все новых и новых станковых портретов духовное взаимопроникновение автор — натура с каждым разом росло.

В 1964 году она создает портрет писателя Фазиля Искандера. Марина изначально лепила этот портрет в глине, и мало-помалу возник удивитель-

но похожий образ. Душевную индивидуальность своего героя она постаралась представить пластическим построением портрета и особой свойственной Фазилю вдохновенной позой. (Представлена голова, повернутая несколько вправо, туловище почти до груди, правая рука, лежащая на приподнятой поверхности.)

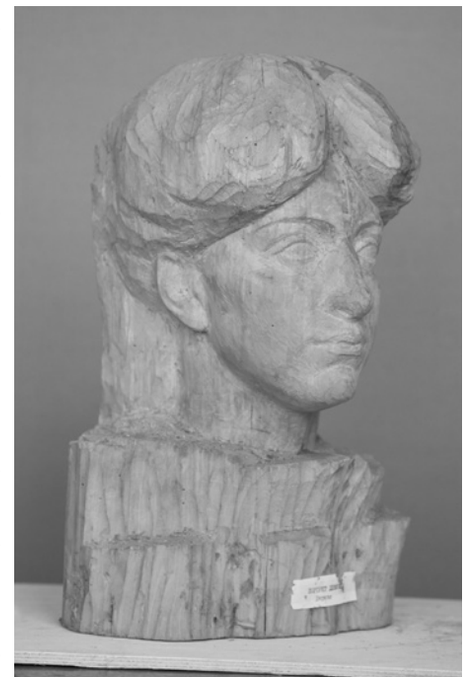


***

Ещё в 1918 году появился Ленинский план монументальной пропаганды. А.В. Луначарским был подготовлен список исторических деятелей, которым по решению высших органов партии были установлены памятники.

Ленинский план монументальной пропаганды продолжал действовать и в 60-е годы, и в соответствии с этим планом в каждом уголке СССР власти решали вопросы о месте и роли искусства в социалистическом обществе.

Как подчеркивала педагог Марины Эшба Екатерина Белашова, масштаб задач, стоящих перед советским монументальным искусством, неизмеримо расширялся: для скульпторов 60-х годов он представлял собой животворный родник, которым питалось советское монументальное искусство.



Во всяком случае, так об этом писали в то время в прессе.

Общаясь со своей ученицей М. Эшба, Белашова, конечно, не раз предлагала Марине попробовать себя в монументальном искусстве. Но любому художнику нужно созреть и самому решить — готов ли он к работе такого масштаба.

Первым монументальным памятником Марины Эшба стала скульптура революционера Георгия Орджоникидзе, которого знали больше под псевдонимом Серго. Работа была выполнена по фотографии, но автору удалось создать образ очень похожим, хотя, по мнению специалистов, внутреннее состояние Серго передано еще так глубоко и тонко, как удавалось Марине Эшба в последующих ее работах. Памятник Серго Орджоникидзе был установлен в г. Сухуми.

Вполне можно предположить, что именно в процессе создания образа Серго она утвердилась в мысли, что непременно обратится к образу отца и установит монумент в селе Агубедиа, откуда он был родом.

Процесс создания образа проходил сложно. Марина изучала фотографии, вспоминала лицо отца, когда он был жив...

Памятник был установлен в родном селе Ефрема Эшба в 1967 году.

Конечно, эти произведения М. Эшба были ее вкладом в осуществление Ленинского плана монументальной пропаганды, но для нее самой это было нечто большее.

В 1962 году М. Эшба становится председателем Абхазского отделения Союза художников Грузинской ССР. Возглавив непростой коллектив, она ощущает, как в ней буквально «прорастают» отцовские гены: она находит общий язык с людьми, дипломатично решает сложные вопросы.

Главная цель М. Эшба в то время — сделать организацию художников Абхазии автономной, отдельной, самостоятельной единицей Союза художников Грузии. И ее усилия не пропали даром. Спустя несколько лет она возглавляла уже Союз художников Абхазской АССР.

Наиболее ярким проявлением деятельности М. Эшба на посту председателя Союза в первые годы можно считать организацию в 1966 году групповой выставки абхазских художников в Москве.

Открылась выставка в зале правления Союза художников СССР на улице Горького. И, как подчеркнул писатель Г. Гулиа, сам по себе факт этот уже говорил о многом.

Экспозиция включала лучшие произведения абхазских художников: отбор был тщательным и долгим. Марина Эшба как председатель играла при этом ведущую роль. Посчитала правильным не включать в групповую выставку собственные произведения, а представила работы молодых скульпторов Виктора Иванба и Юрия Чкадуа. Это, пожалуй, была единственная выставка, в которой не было произведений самой Марины. Она являлась непременным участником всех выставок, на которых было представлено искусство Абхазии.

Та выставка была посвящена 50-летию советской власти и образованию Коммунистической партии Грузии.

Как председатель Союза художников Абхазской АССР, М. Эшба уделяет много внимания знакомству людей, интересующихся искусством, с талантливыми произведениями абхазских художников на передвижных выставках. Она находит контакты с Абхазским областным отделением Советского общества дружбы с ГДР, и в марте 1972 года впервые открывается выставка

произведений профессиональных художников Абхазии на немецком лайнере «Дружба народов». Во время трех морских круизов пассажиры лайнера знакомятся с произведениями абхазских художников.

Создав и открыв памятник Ефрему Эшба в Агубедиа, М. Эшба не успокаивается. Она задумывает вновь обратиться к образу отца, тем более что приближается его 80-летие.

У О. Брендель она изредка видела Г. Гватуа — главного архитектора города Сухуми. Это был творческий человек, и его мастерство нравилось Марине. И вот однажды разговор скульптора и архитектора зашел о создании архитектурно-скульптурного комплекса в центре столицы Абхазии, посвященного Е. Эшба. Парк напротив здания исполкома Горсовета в Сухуми был не в лучшем состоянии, да и ларек на пересечении ул. Ленина и проспекта Мира не мог служить его украшением. И именно на этом месте Г. Гватуа и М. Эшба решили воздвигнуть будущий памятник.

Всю архитектурную и организационную часть взял на себя Г. Гватуа. Ознакомившись с архитектурным проектом, М. Эшба ясно поняла, что традиционная (классическая) скульптура в данном случае будет не уместна.

Работа над мемориальным комплексом проходила в период, когда в личной жизни художницы тоже происходила «перестройка», к которой было приковано внимание общественности. Марина пережила драматичный развод с мужем.

Открытие памятника Ефрему Эшба в Агубедиа

Однако, увидев великолепный монументальный комплекс, все осознали, что первая женщина-скульптор Абхазии не сломлена и находится на пике своего творчества. И на этот раз это — талантливое отступление от соцреализма.

В 1973 году М. Эшба по семейным обстоятельствам покидает Сухум. Бразды правления в Союзе художников Абхазской АССР она передает своему заместителю С. Габелия.

Архитектурно-скульптурный комплекс в Сухуме «Председатель ревкома Абхазии Е.А. Эшба», авторами которого были М. Эшба и Г. Гватуа, в 1974 году был представлен на премию имени Д. И. Гулиа. Но М. Эшба в 1974 году этого звания не получила.

Причиной тому можно считать наличие второго кандидата на премию – Гиви Рухадзе (за серию скульптурных работ о Д. И. Гулиа), а также то, что М. Эшба выполнила портрет отца в новом стиле, который еще в полной мере не воспринимала интеллигенция Абхазии. Кроме того, сама Марина Ефремовна в 1974 году находилась в Тбилиси. Но об этом я расскажу чуть позже.

1974 год был юбилейным для М. Эшба, ей исполнилось 50 лет. В связи с этой датой Президиум Верховного Совета Абхазской АССР наградил председателя правления Союза художников Абхазии, скульптора, заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР М. Е. Эшба Почетной грамотой.

В середине января 1975 года в выставочных залах Художественного фонда СССР открылась большая выставка произведений художников Абхазии, Аджарии, Юго-Осетии и г. Кутаиси. Московский корреспондент В. Беляков опубликовал статью о произведениях абхазских художников, представленных на ней, отметив мастерство М. Эшба.

М. Эшба — мастер, который работает в разных жанрах изобразительного искусства. Проходя новый для себя этап, она осваивает следующий. Если были заказы, например, на медали, она с удовольствием их выполняла. На II Всесоюзной выставке работ художников-медальеров в 1976 году была представлена выполненная художницей много лет назад медаль «150 лет со дня рождения Некрасова» (1958 г.). Всего на выставке было представлено более 1000 работ, посвященных различным событиям.

Между тем Марина Эшба продолжает созидать станковые портреты. И на выставке в Сухуме представляет портрет художницы Ольги Брендель, портрет художницы Варвары Бубновой, а также «Мужской портрет», «Портрет Ясона Ажиба». Она работает, идет вперед, давая публике и критикам пищу для размышлений, для сравнения ее нынешних и вчерашних успехов.

В 1977 году в Москве, в Издательстве «Советский художник», была издана серия открыток «Художники Абхазии и Юго-Осетии». На одной из них — скульптура М. Эшба «Портрет целинника». За внешней скромностью, непритязательностью облика скульптор увидела значительный и сложный внутренний мир современника — близкого ей по духу человека.

В 1981 году в Гудауте был открыт Мемориальный комплекс, посвященный памяти воинов — жителей Абхазии, павших в сражениях Великой Отечественной войны. Авторами его являются скульптор Марина Эшба и архитектор Тамара Лакрба.

Марина работала над этим памятником, понимая, что к нему будут приходить матери, сестры, жены тех, кого они проводили на войну, но так и не дождались... Большинство из них — обычные парни, жители абхазских сел.

А как наиболее ясно выразить их национальную принадлежность? И ей пришла идея использовать в работе фольклор. В женской фигуре легко узнать Гунду с ее светящимся мизинцем. Гунда устало присела, подняла руку, зовет к себе, указывая братьям, возвращающимся из похода, путь домой.

В образе Гунды Марина Эшба передает душевное состояние женщины в ожидании мужа и сыновей. Она достойно несет свою печаль — продолжает ждать и после того, как воины не вернулись домой.

Прекрасно выполненные барельефы комплекса — несомненная удача авторов, и в первую очередь Марины Эшба.

К работе над мемориалом М. Эшба приступила смело. Генетическая память позволила ей глубоко воспринять и передать истинно абхазское. Она создала образ Гунды так, словно никогда не покидала родных мест.

За мемориальный комплекс павшим воинам в г. Гудауте скульптору М. Эшба и архитектору Т. Лакрба в 1984 году была присуждена Государственная премия Абхазской АССР им Д. И. Гулиа.

Архитектурно-скульптурный мемориальный комплекс в Гудауте вдохновил жителей села Лыхны Гудаутского района на идею установить еще более величественный мемориал у себя в селе. Более того, они пожелали сделать это на собственные деньги.

У лыхненцев не было сомнений — автором памятника погибшим односельчанам должна стать только Марина Эшба! Но на этот раз она работала вместе с московским скульптором, своей подругой Верой Акимушкиной (с ней она выполняла и другие работы), архитектором был Александр Квитатиани. Им помогали резчики из Москвы и строители Гудаутского треста «Культбытремстрой».

Вот что рассказывала перед открытием архитектурно-скульптурного Мемориального комплекса сама Марина Ефремовна: «Лыхны — древнее абхазское село, и столько его сынов погибло на фронтах, столько молодых, несостоявшихся судеб… Хотелось нестандартного решения темы, хотелось, чтобы комплекс выглядел не мрачно, а вселял надежду на будущее, словно говорил, что не зря было столько жертв. И поэтому в центре мемориала мы поставили фигуру почитаемого старейшины, который и в беде, и в радости даст мудрые советы, внушит силу и веру».

Помимо центральной фигуры в комплекс входят ещё четыре композиционные скульптурные группы. Они представлены на стелах из белого известняка, высота каждой — 3,5 метра. На одной из стел — тема махаджирства. Печальные женщины, увозящие сыновей и дочерей в неизвестность, прощаются с родиной. Другая отражает тему революции и гражданской войны, образы киаразовцев. Третья стела — самая главная и крупная композиция — рассказывает о сражениях Великой Отечественной. Четвертая группа образов в камне рассказывает о мирных послевоенных буднях, пробуждает надежду на лучшее будущее.

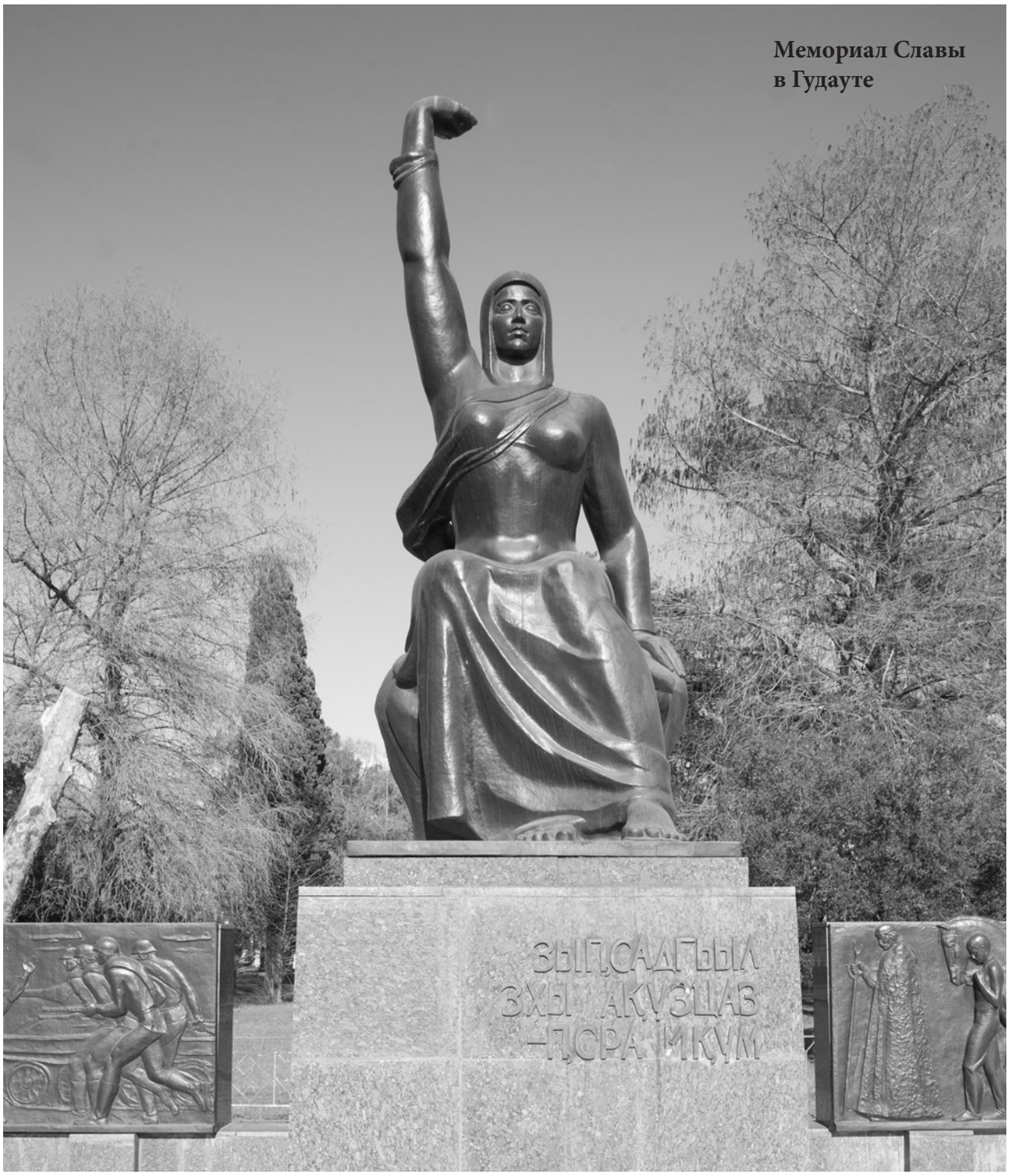
Композиционно все сюжетные группы объединяет большой декоративный бассейн с каскадом маленьких водопадов. Над бассейном проложены подвесные дорожки, на пересечении которых и высится центральная фигура старика, а впереди по оси бассейна — Вечный огонь.

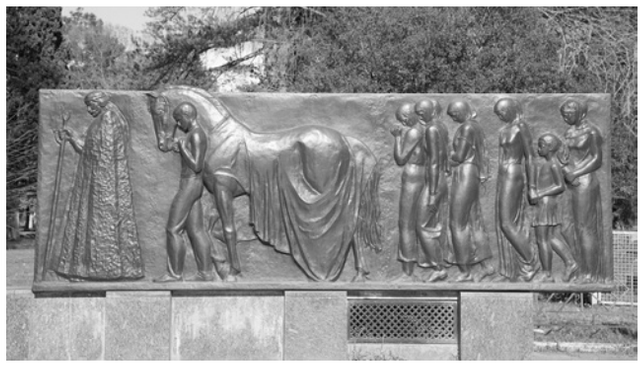
Завершение мемориального комплекса — на белом мраморном фоне чёрные гранитные плиты наподобие могильных… На них имена тех, в честь кого горит Вечный огонь, имена более 300 человек[4].

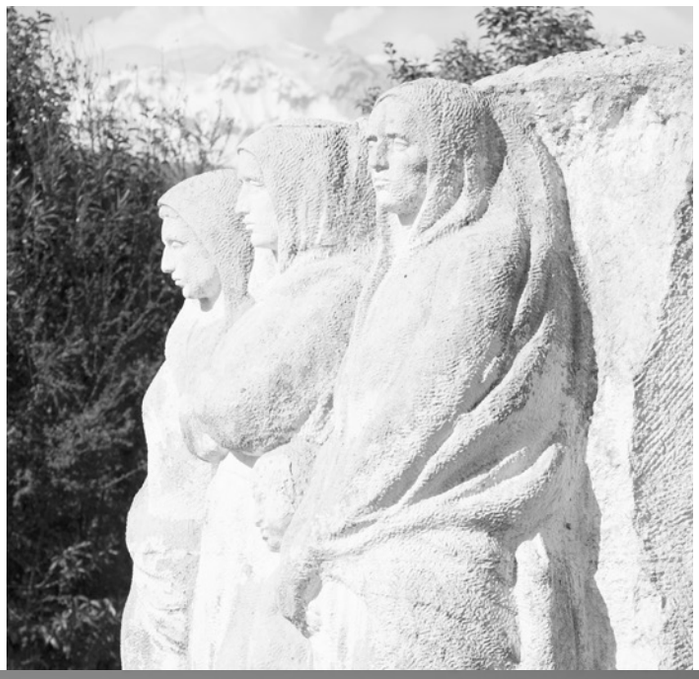
---

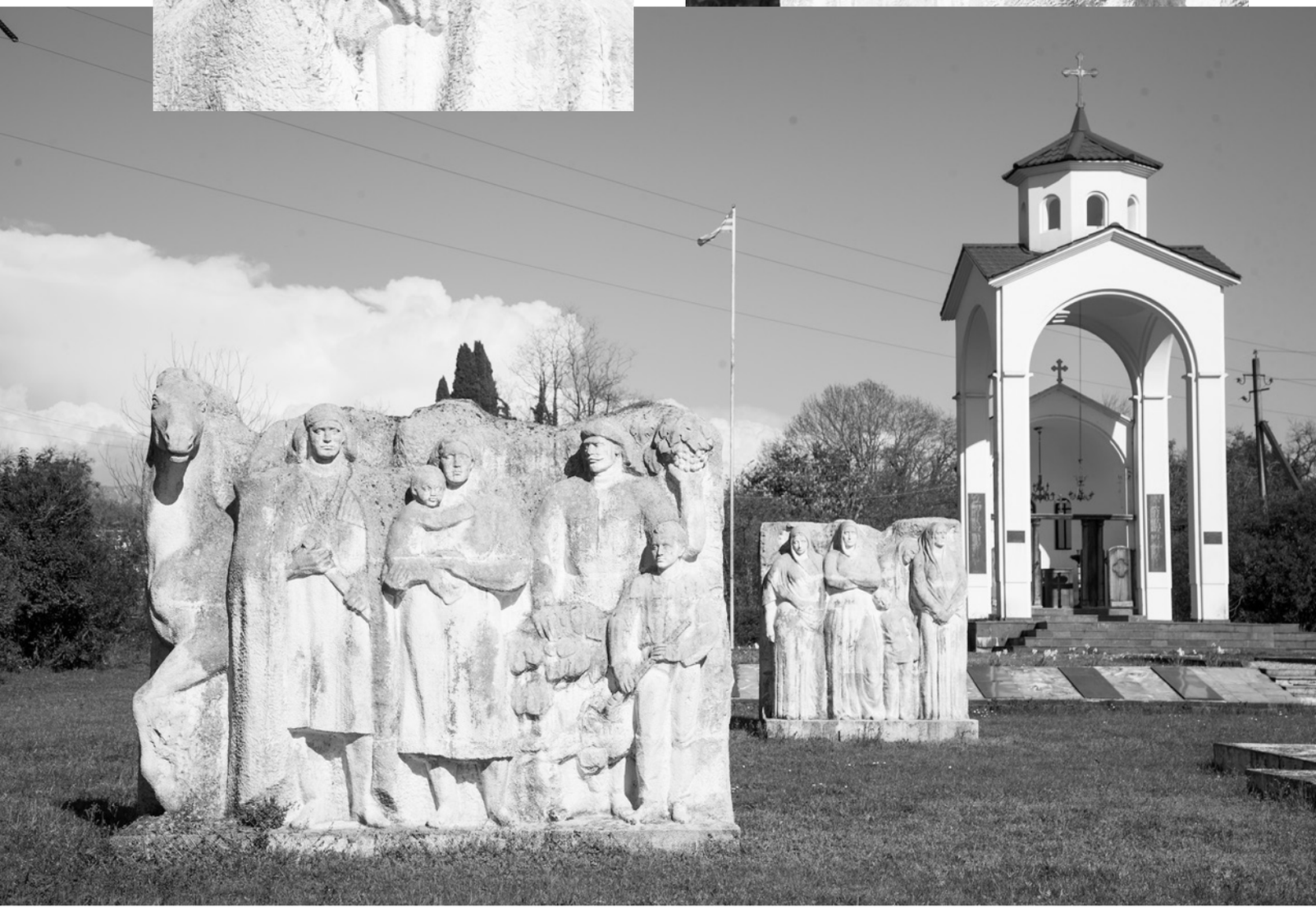
[4] **З. Цвижба.** Мемориал памяти народной//Советская Абхазия. 1990.05.10.

Мемориал Славы
в Гудауте









Архитектурно-скульптурный Мемориальный комплекс в с. Лыхны

Это один из самых больших памятников в Абхазии, площадь его 400 кв. м. Он был открыт 9 Мая 1990 года, в день 45-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Во время Отечественной войны 1992–1993 гг. М. Эшба уезжает в Москву к сестре и сыну, но отношение оккупантов к себе как к абхазке, да еще и как к активистке национально-освободительного движения, почувствовать успела.

В Москве, как и многие другие женщины из Абхазии, она не способна сидеть была сложа руки: принимала участие в митингах и пикетах в поддержку родной страны. Потом она рассказывала, что в те дни она невольно вспоминала детство, которое во время Великой Отечественной провела в Очамчыре, но тогда война, казалось, была далеко. А на самом деле, не так уж далеко она была — судьба перелома в той войне решалась и на перевалах Абхазии.

Но как только народ Абхазии одержал Победу, М. Эшба вернулась домой. Она увидела Сухум, оставленный грузинскими войсками, а главное, увидела, что монументу ее отца удалось пережить войну, хоть оккупанты остервенело расстреливали его. И жестокость молодых грузинских солдат она невольно сравнивала с безжалостностью их дедов.

Марина отказалась реставрировать памятник. Она заявила: «Ефрем Эшба был дважды расстрелян…»

***

Марина с детства была натурой задумчивой, ностальгирующей. После войны ей не сразу удалось справиться с собой и взять в руки глину, резец и начать работать. Как ни уговаривали ее близкие друзья — никак не получалось.

В свое время Генрих Белль писал: «Война — благодарная тема для драматурга, потому что за нею шагает такое великое явление, как смерть, на ней сосредотачивается всё действие, она рождает напряжение, подобно туго натянутому барабану, достаточно легчайшего прикосновения пальца, чтобы он зазвучал». Оказалось, что война — это тема и для скульптора. Прошло время, и Марине захотелось сделать станковые портреты участников Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов, с которыми она недавно познакомилась.

Это был особый и чрезвычайно интересный период в судьбе Марины Эшба. Каждый портрет становился откровением. Она работала самозабвенно несмотря на холод и на то, что в мастерской, как и по всей послевоенной Абхазии, часто выключали свет.

А потом пришел день, когда скульптор представила свои работы, в том числе и новые. В 1996 году В Центральном выставочном зале СХ Абхазии открылась персональная выставка Марины Эшба. В экспозиции были представлены монументальные скульптуры, станковые портреты, барельефы. Самой Марине были дороги все работы, но с особым чувством она как мать работала над портретом Гули Кичба, матери погибшего студента-сухумчанина.

В послевоенное время М. Эшба больше не обращалась к жанру автопортрета, судя по всему, не хотела будоражить душу, искушать судьбу.

Умерла Марина Эшба в 2002 году в Москве. Похоронена в Сухуме в Пантеоне.

Ее называли поэтессой абхазской скульптуры

Отзывы современников о жизни и творчестве Марины Эшба

Журналист Тариэл Аршба первым представил Марину Эшба читателям «Советской Абхазии»:

«Люди в искусство приходят разными путями. Одни с ранних лет знают своё призвание, другие — вдруг, в пору возмужалости обнаруживают свой талант. Так и получилось у Марины Ефремовны Эшба. В детстве она любила рисовать и рисовала неплохо. Раннее проявление интереса к живописи предопределило выбор вуза. Но на первом же курсе Московского института прикладного и декоративного искусства случилось непредвиденное. В руки Марины как-то попал кусок пластилина. Она стала лепить голову сидевшего рядом студента. Эта её случайная работа оказалась на редкость удачной. Марина сама была поражена, с какой лёгкостью и интересом она лепила. Не ускользнуло это и от внимания ее преподавателей. Марине посоветовали серьёзно заняться лепкой, перейти в скульптурное отделение института.

С тех пор прошло более десяти лет. Марина Ефремовна Эшба — московский скульптор и наша землячка — уже зрелый мастер своего дела. И, как всякий мастер, она имеет свои любимые темы, свои любимые образы.

Марину Ефремовну издавна волновали люди, чья жизнь была тесно связана с судьбами народа, чьи лучшие стремления были направлены на осуществление его светлых идеалов. Это благородное чувство вдохновляло её, когда она работала над своим дипломным проектом «Суворов»; когда она лепила барельеф с изображениями выдающихся представителей русского искусства — М. Щепкина, К. Станиславского, М. Ермоловой — для восстанавливаемого Севастопольского драматического театра, разрушенного гитлеровскими захватчиками; когда воплощала в камне образ современного молодого рабочего для Варшавского дворца наций. Да мало ли у Марины Ефремовны таких работ! Но есть одна, которой она особенно гордится. Это скульптурный портрет композитора Модеста Мусоргского, выполненный ею для Советского павильона на Всемирной Брюссельской выставке. В эту работу Марина Ефремова вложила всё свое умение, мастерство. Она стремилась с реалистической убедительностью выразить в портрете композитора его высокие патриотические чувства, его огромную любовь к народу. Работа была по достоинству оценена на Международной выставке. Кстати, заметим, здесь же, на Брюссельской выставке, большим успехом пользовалась памятная медаль Марины Эшба «Советский спутник». На этот сувенир был огромный спрос. Люди, восхищенные творческой мыслью советских ученых, увозили эту медаль с собой — в Италию, Францию, Чехословакию, Америку, Германию, Китай, Индонезию, Японию — как символ мира и дружбы.

***

Но основное ее занятие — изготовление скульптурных портретов. В Москве, в мастерской старейшего советского скульптора Г. Мотовилова, в которой работает М. Эшба, можно видеть немало уже готовых и находящихся в производстве портретов ее работы.

***

Марина Ефремовна — скромный человек. Наверное, только по этой причине она неохотно говорит о своих творческих планах. Но об одном своем замысле, который совсем недавно был воплощен ею, стоит рассказать. Марина Эшба много слышала о славных подвигах на фронтах Великий Отечественной войны первой абхазской летчицы Мери Авидзба. Во имя счастья Советской Родины эта смелая женщина громила гитлеровцев, ускоряя приближение Дня Победы над фашистской Германией. Прибыв в Сухуми на отдых, Марина Эшба разыскивает Мери Авидзба и рассказывает ей о своем намерении.

Скульптурный портрет Мери Авидзба уже закончен. Работа волновала Марину Ефремовну своей благородной целью: воплотить навечно образ героической летчицы — дочери абхазского народа.

1959 год.

М. Кириченко, Т. Шаламберидзе — о юбилейной выставке изобразительного искусства Абхазии, посвящённой 40-летию советской власти в Грузии, Абхазии и создания Коммунистической партии Грузии:

«…Скульптура вообще обогатила выставку, ее экспонаты многочисленны и интересны. Выделяются талантливые работы Сандро Размадзе, Марины Эшба и студента Тбилисской академии художеств Виктора Иванба».

***

«Скульптор М. Эшба показала ряд работ, в которых чувствуется рука мастера. Здесь не только строгость в передаче форм, но и проникновение в характер. Отсюда и разнообразие скульптурных портретов. Медали Эшба показывают, что она умеет «думать» в металле. В прошлом году мы видели «деликатную бронзу» этих медалей. Можно приветствовать ее попытку работать и в дереве («Гунда»). Прелестны и характерны эскизные наброски с изображением детворы».

1961 год.

Л. Шервашидзе в заметках о художественной выставке в апреле 1961 года:

«Из скульптурных работ отметим портреты, исполненные М. Эшба. Они обращают на себя внимание тем, что при сохранении индивидуальных черт оригинала в каждом из них создан обобщающий, типичный образ современника; показ случайных деталей отступает перед задачей — раскрытием внутреннего мира, психологической характеристикой образа. Напряженная собранность и целеустремленность видна в портрете председателя колхоза В. Лакоя, необычайная прочувствованность и глубина в работе “Старая абхазка”».

1962 год.

Л. Шервашидзе о выставке в декабре 1963 года:

«Яркие, индивидуальные характеристики наших современников даны в портретных скульптурах заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР М. Эшба («Айнури», «Колхозный бригадир Зосим Ардзинба», «Махты Таркил из Дурипша»).

А. Кация о выставке в декабре 1963 года:

«Работы М. Эшба привлекают портретной достоверностью и профессиональным мастерством. Им всегда присущи спокойствие и мягкость, тонко подчеркнутое настроение».

1963 год.

От имени общественности г. Тбилиси и других городов:

«В феврале 1963 года в Тбилиси проходила республиканская выставка грузинских художников. Экспозиция включала работы М. Эшба, Б. Гогоберидзе, О. Брендель.

Состоялось обсуждение произведений, которые видели не только тбилисские зрители.

Собравшиеся отметили достоинства скульптурного портрета председателя колхоза В. Лакоя, выполненного М. Эшба».

1963 год.

А. Садыкова о выставке, приуроченной к открытию картинной галереи в г. Сухуми, в 1964 году:

«Творчество первого скульптора-абхазки М. Эшба представлено несколькими произведениями. Обладая исключительной наблюдательностью, она в своих портретных скульптурах умеет выразить главное, существенное в изображаемом человеке, наделить его тонкой психологической характеристикой, передать все богатство духовной жизни. Привлекает внимание скульптурный портрет Фазиля Искандера, в котором переданы темперамент и живость характера поэта. Другие ее скульптурные портреты — «Старая абхазка» и «Айнури» исполнены также с большой психологической точностью».

1964 год.

Портрет Фазиля Искандера, выполненный в гипсе, по окончании выставки М Эшба подарила картинной галерее.

Из оды В. С. Орёлкина — художника, соседа Ольги Брендель:

Тогда,
струхнув труху вопросов,
В защиту правды и добра,
Бросается он (*Т. Аршба. — **О. В–Б.)***,
как Матросов,
Как Абрскил, — разить врага.

И яростно пишет всю ночь напролет,
Перо его местию дышит.
Прочтёт, улыбнётся, и снова прочтет
И даже Марины не слышит.

Марина Эшба — дочь отца,
Непримиримого борца:
И как отец, непримирима,
Ваяет жизнь неутомимо
И гневно борется со злом
Делами,
словом
и резцом
О ней сказал поэзии отец:
Чистейшей прелести чистейший образец.

(Я повторю: в том нет греха).

1967 год.

В докладе искусствоведа Масхарашвили «Портреты В.И. Ленина в грузинской скульптуре», прочитанном на выездной сессии в Сухуми в 1968 году, была отмечена работа М. Эшба «В. И. Ленин — создатель Красной Армии», в которой подчеркивается, что она является интересной и значительной.

1968 год.

Из книги отзывов посетителей выставки, посвящённой 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, состоявшейся в Сухуми в 1970 г.

Искусствовед Э. Шлейер (Тбилиси): «Портрет художницы О. Брендель» (дерево) — произведение талантливое, неповторимое».

1970 год.

Из оды В. С. Орёлкина — художника, соседа О. Брендель:

И сдержанна, и так скромна
Сидит Марина у окна.
С любою тьмой непримирима
Душою чистая Марина.
Она для верных всех сердец
Чистейшей прелести чистейший образец
И тот кристалл, в себе что носит,
Сердечно Оленьке подносит.

1970 год.

Из оды В. С. Орёлкина — художника, соседа О. Брендель:

И задушевный Ольги друг —
Марина — вот, присела тут.
И Тариэл — её супруг.
…….
Марина сдержанно и строго
Качает милой головой;
То ли уже я выпил много,
То ли язык не верен мой?
Скромна всегда, как голубица,
Смотри: бывает и иной,
Когда ведет за справедливость бой,
В ней просыпается тигрица!

1971 год.

Марина Эшба и Вера Акимушкина с молодыми абхазскими художниками.
(В центре скульпторы Ю. Чкадуа и В. Иванба, журналист и художник И. Шенгелая, слева предположительно супруги Денисовы)

Скульптор Ю. Чкадуа о памятнике Ефрему Эшба:

«В центре Сухуми недавно вырос величественный памятник из белоснежного мрамора на полированном граните — нарочито удлинённая, стелющаяся по горизонтали гранитная плита и слегка наклоненная вперед мраморная стела с вырезанным в ней большим портретом пламенного революционера Ефрема Эшба. Талантливое произведение, созданное архитектором Г. Гватуа и скульптором М. Эшба, явилось одной из лучших строк в монументальной летописи республики.

Для этой работы характерны современная, оригинальная трактовка идейного замысла, удачное сочетание коричневого гранита и яркой белизны мрамора, создающее мажорную гамму. В композиционном построении авторы отошли от традиционной трактовки памятников такого плана.

Силуэт памятника удачно вписывается в окружающий ландшафт, он хорошо смотрится со всех сторон. Впечатление обогащает парк, раскрытый и удачно перепланированный. Всё вместе создаёт выразительную и запоминающуюся композицию.

Очень удачно пластическое решение памятника. Сдержанная манера, скупые средства, отсутствие отвлекающих деталей — всё подчинено единой теме: раскрытию образа. Памятник отличается ясной тектоникой, оригинальным слиянием портрета с архитектурной частью. Это единый архитектурно-скульптурный ансамбль.

При первом знакомстве с памятником бросается в глаза, что пропорциональные соотношения его несколько утрированы. Мраморная стела кажется не соответствующей по величине вырубленному в ней портрету и длинной горизонтальной плите. Однако такие пропорции авторы избрали сознательно. Длинная горизонталь символизирует слав-

ный революционный путь, слегка наклонённая стела — силу, волю, порыв. И здесь особо хочется сказать о скульптурном портрете, являющимся основной, доминирующей деталью памятника.

Творчество М. Эшба отличается своими сложившимися особенностями. Манера её линии мягкая, она всегда чётко следует модели, акцентируя внимание на характерных деталях. В многочисленной галерее скульптурных портретов, ранее ею созданных, памятник Ефрему Эшба занял исключительное место. В этой работе художница достигла своей плод долгих поисков, многолетнего труда над воплощением образа дорогого ей человека. М. Эшба умело разрешила в этом портрете ряд характерных скульптурных проблем — гармонию форм, выразительность образа.

Сухумцы по праву гордятся этим архитектурно-скульптурным ансамблем, который, на мой взгляд, достоин премии имени Д. И. Гулиа».

1974 год.

А вот как отозвалась собственный корреспондент газеты «Советская Абхазия» Заира Цвижба о Мемориале Славы в Гудауте, сообщая читателям о его открытии:

«…Мемориал Славы, в центре которого — динамичная фигура женщины с поднятой рукой. Это героиня абхазского нартского эпоса — Гунда. Каждый раз, провожая и встречая своих братьев-богатырей из походов, садилась она на высокую гору и показывала им путь своим светящимся мизинцем. Этот символичный образ использовался М. Эшба для воплощения своей идеи.

Автору удалось передать в образе Гунды душевное состояние каждой матери, сестры, жены, проводившей воина на ратный подвиг, их скорбь и мужество.

В одном из барельефов скульптор отразила горячий миг войны: атака, смерть, беда. В другом — накрытый траурным покрывалом конь павшего героя, скорбные фигуры старика-отца, женщин, получивших похоронки. Весь Мемориал — прекрасное творение талантливых авторов».

1981 год.

Народный артист СССР Ш. Пачалиа:

«Быть художником — это значит взять на себя огромную ответственность, всегда помнить, как высок нравственный спрос с тебя как с личности, гражданина, творца, выходящего со своим внутренним личностным переживанием на суд зрителей. Что ты им скажешь? Достаточно ли это будет высоко, важно, значимо?

Думала ли об этом Марина Эшба, создавая одну из своих работ, — скульптурный памятник «Мемориал Славы», посвящённый памяти погибшим в Великой Отечественной войне воинам-гудаутцам? Думала ли об этом маленькая Марина, с замиранием сердца вышагивая рядом за своим отцом-революционером Ефремом Эшба по торжественно-величавым залам Музея Революции в Москве, внимательно слушая и восторженно запоминая его рассказы о революционной борьбе и подвигах во имя справедливости на Земле? Думала ли об этом она, когда, круто изменив свои жизненные планы и ожидания близких, прочивших ей незаурядное математическое будущее, оставила учёбу в Тбилисском политехническом институте и решила навсегда связать свою жизнь с искусством? Вряд ли — об этом не думают. Это становится сокровенным смыслом, духом и плотью существования личности каждого настоящего художника.

Выпускница Московского института прикладного и декоративного искусства, воспитанница выдающегося советского скульптора

Екатерины Белашовой и Георгия Мотовилова, Марина Эшба несёт в своём искусстве традиции большой и серьёзной профессиональной школы. Хорошо известны многие её работы. Среди них — скульптурная композиция «Молодые натуралисты», экспонировавшаяся на ВДНХ, трёхметровая скульптура рабочего, с 1953 года возвышающаяся в Варшавском Дворце науки и искусства, портрет великого русского композитора Модеста Мусоргского, принесший художнице признание на Международной выставке в Брюсселе, барельеф «Стачка», установленный в зале Первой русской революции 1905 года в Музее Революции в Москве, многочисленные мемориальные медали, эскизы которых выполнены по заказу Министерства культуры СССР, портреты отца Ефрема Эшба, а также скульптурные портреты Серго Орджоникидзе, Александра Суворова и Александра Пушкина, Константина Станиславского и Михаила Щепкина, Марии Ермоловой и Варвары Бубновой, Фазиля Искандера и Джумы Ахуба…

Особое место в творчестве художницы занимает тема войны и революции. Гражданским пафосом, любовью к Родине и человеку, тревогой за судьбу человечества насыщены ее лучшие скульптурные мемориалы. Глубоким драматизмом и безутешностью человеческого горя веет от портрета матери погибшего. Продолжение этой темы — монументальный в своем динамическом величии Мемориал Славы, воздвигнутый на площади Советской Конституции в Гудауте.

Глубоко символична фигура Гунды, героини абхазского нартского эпоса, олицетворяющая образ матери, жены, сестры, образ Родины, благословившей своих сынов на защиту Отечества, да так и застывшей навсегда в тягостном ожидании их возвращения к теплу домашнего очага. Черты национальной и общечеловеческой скорби, героизм, отчаяние и могучая вера в победу с предельным психологизмом воплощены художницей в сюжетах и образах на двух барельефах, расположенных по обеим сторонам величественного постамента. На одном — горячий миг атаки, на другом — традиционная в Абхазии траурная процессия при оплакивании погибшего воина. И как не вспомнить здесь строки Расула Гамзатова:

Как много было
юношей лихих
В краю, овеянном
огнём суровым.
И ныне плачут,
думая о них,
Ещё живые матери
и вдовы.
Мужают сыновья
былых солдат.
И на земле,
познавшей
дым разрухи
На юношей
с тревогою глядят
Невесты их
и матери старухи.

В работах Марины Эшба подчас бывает трудно, почти невозможно определить, где кончается ее труд художника и начинается труд поэта, где сливаются и взаимозаменяют друг друга грани ее творчества. Высоким поэтическим началом дышит каждая складка скорбного платья Гунды, выполненного из кованой меди, им наполнена каменная глыба фигуры рабочего, увековеченного в Варшавском Дворце науки и искусства, полон поэзии портрет великого реформатора театрального дела Станиславского, украшающий фойе Севастопольского драматического театра. Мне хочется назвать Марину Эшба поэтессой скульптуры.

За высокую художественную культуру и глубокую народность творчества Марина Эшба по праву удостоена чести за один из лучших своих трудов — Мемориал Славы — вместе с материализатором замысла архитектором Тамарой Лакрба быть представленной к присвоению Государственной премии Абхазской АССР им. Д.И. Гулиа в области искусства. Созданный в Гудауте их совместными усилиями монументальный памятник погибшим в Великой Отечественной войне воинам-гудаутцам на века останется и памятником достижений современной абхазской скульптуры.

1984 год.

Из выступления председателя комиссии по Госпремии Абхазской АССР Д. И. Гулиа Б. В. Шинкуба во время вручения М. Эшба диплома и нагрудного знака лауреата в 1984 г.:

«Марину Ефремовну Эшба называют поэтессой абхазской скульптуры. Люди, знающие ее работы, не могут не согласиться с этой метафорой. Ее творчество знают и далеко за пределами Абхазии, даже за пределами нашей Родины. Помню, как я был взволнован, увидев ее работу в Варшаве. Знаю, что у Марины Ефремовны большие творческие планы, и желаю их полного осуществления».

1984 год.

Искусствовед Татьяна Шаламберидзе:

«Меняются композиционные приёмы, возникает тенденция дать комплексное архитектурно-скульптурное решение, по-новому осмыслить в нём место пластического образа. Эти процессы находят отражение в работе Марины Эшба — памятник революционеру и государственному деятелю Ефрему Эшба (1973 г., мрамор, гранит). Смелое применение архитектурных форм не вытесняет и не снижает в нем значение пластического решения. Скульптор обнаруживает острое чувство современности. Высокий идеал воплощён в конкретных чертах советского человека. Композиция строится на сопоставлении скульптурной части — головы, выступающей из мраморной стелы, взятой как бы в «полёте», и площадки, являющейся её продолжением, даже «течением». Строгой красотой отмечены тональные отношения светло-серебристого мрамора и тёмно-серого гранита. Одухотворённое волевое лицо, чётко проработанные черты лица как нельзя лучше сочетаются с изысканной красотой материала. Пластика портрета как бы вбирает в себя все нюансы новых форм. Узнаются черты модели, но они претворены в высокий идеал, в символически обобщенный образ.

Памятник установлен в парке им. В. И. Ленина (открытом со всех сторон) и углублен по диагонали к центру от тротуара. Окружающее пространство, включившее его в себя, обогащается новым акцентом, новой точкой опоры. Памятник обладает архитектурной красотой и четкостью силуэта. В нём есть и художественная завершённость и прямая связь с жизнью города. Это, конечно, достигается не только удачной постановкой скульптуры, но и свойствами её пластики, достаточно выразительной, чтобы быть воспринятой с первого взгляда, достаточно тонко и сложно проработанной, чтобы доставить зрителю возможность эстетического переживания.

Другая значительная работа М. Эшба — Мемориальный комплекс «Памятник павшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (кованая медь, высота 4 м). Его главная часть — скульптура женщины, олицетворяющая Родину, отмечена экспрессией форм. Фигура дана в сидящей позе с высоко поднятой рукой — характерный призывный жест героини народного эпоса Гунды. В статуе олицетворяется суровая сила, мужественность. В то же время благодаря почти девичьей стройности силуэта смягчается некоторая тяжесть форм.

Выразительны рельефы (кованая медь), размещённые позади статуи. На них изображены сцены гибели воина и ритуальная церемония его захоронения. Рельефы рассчитаны на то, чтобы углубить характеристику центрального образа, усилить впечатление от монумента в целом. Мемориал установлен на главной площади города Гудаута (1981). Исполненный патриотического звучания, он акцентирует зрителя на героическом времени Великий Отечественной войны.

В станковой скульптуре М. Эшба созданы психологически достоверные портреты писателей Фазиля Искандера (гипс тон.) и Джумы Ахуба. Особенно скульптору удалась выразительная голова Татьяны Гулиа. Портреты отличаются свободной непринуждённой пластикой».

1988 год.

Самым важным для нее было, чтобы абхазское искусство состоялось

Воспоминания о Марине Эшба

Искусствовед Боча Аджинджал о мастере, творце, создателе в связи с 80-летием со дня рождения М. Эшба

У перекрёстка живописных улиц стоит памятник — один из символов столицы Абхазии. Много бурь и натиска претерпел этот образ, прежде чем занял свое достойное место. Мнения знатоков в отношении данного изваяния расходятся, и это естественно. Так было и так будет, ибо таков закон искусства – вечная загадка.

При первом осмотре памятника не может не броситься в глаза диспропорция между гранитным основанием и постаментом. Но если присмотреться, то начинаешь вникать в замысел мастера и понимать неслучайность выбора именно такого пропорционального решения. Если удлинённое основание символизирует собой бесконечность пути борца за свободу своего народа, то возвышающийся над ним чуть наклонённый постамент — символ силы и стремительности. Но всё же главным в этом комплексе является портрет. Он выполнен в мраморе и близок к классическому античному стилю. Устремлённый ввысь, кажется, вот-вот взлетит в бесконечный космос…

Памятник полон романтики, как и жизнь самого Ефрема Эшба.

* * *

Марина Ефремовна Эшба нашла свою самобытную дорогу в искусстве в начале 50-х годов прошлого века. Путь этот сформировался под влиянием русский классической школы, но имеет и своё лицо. Когда она начала делать в искусстве первые шаги, ей свойственно было максимальное приближение модели к натуре. Потом она долго-долго постигала тайны мастерства. Неустанно работала над многочисленными натурами, с индивидуальными личностями. Изучая их, сама обогащалась, возвышалась духовно, и почерк её шлифовался постепенно, достигая совершенства.

Как Марина Эшба пришла в искусство?

Будучи ученицей Очамчырской средней школы, она проявляла способность к математике. Окружающие пророчили ей будущее учёного-математика. После окончания школы (1943 г.) подрабатывала на жизнь на одном из промышленных предприятий помощником бухгалтера. Видя, с какой лёгкостью она справляется со своими обязанностями, многие советовали ей выбрать именно эту профессию. После Великой Отечественной войны Марину приняли в Тбилисский политехнический институт. Несмотря на то что училась успешно, она внезапно его бросила и поступила в Московский институт декоративно-прикладного искусства. Здесь азам скульптуры учила студентов известный русский скульптор Екатерина Белашова, которая сразу заметила незаурядные способности абхазской девушки. Вскоре Марина была переведена на скульптурное отделение. Между учителем и ученицей завязалась настоящая, искренняя дружба. Бла-

Памятник Ефрему Эшба
в центре абхазской столицы

годарная Марина часто повторяла потом: «И в жизни, и в искусстве ближе, чем Екатерина Фёдоровна, у меня не было никого». Наставница в дарственном альбоме своих работ пишет: «Дорогой Марине! Твоя Екатерина Белашова. 27 августа, 1967 год».

Под руководством большого мастера скульптор М. Эшба — первая среди абхазов нового времени — работала денно и нощно. Скрупулезно изучала анатомию человеческого тела и секреты скульптурного мастерства. Любознательная студентка восторгалась необычными, смелыми, самоотверженными людьми, защищавшими родину от иноземцев. И потому она выбрала для защиты диплома образ Суворова, которого она вылепила вдохновенно, и получила отличную оценку…

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1953 г. Марина выставила маленькую композицию (барельеф) «Юные натуралисты». Когда эту работу заметил известный скульптор Г. И. Мотовилов, то немедленно пригласил её работать совместно с ним в студию, которой руководил. В это же время студии было предложено создание образа рабочего для Польской республики. Этот ответственный заказ был доверен Марине Эшба. Вскоре великолепная трехметровая фигура молодого рабочего была выполнена и поставлена в фойе Центрального дворца культуры в Варшаве.

Внимательно следил опытный мастер за работой молодой абхазки. Он рад был её успехам. И ещё его удивляли своеобразный, независимый характер и смелость Марины. Восхищённый этими качествами, он нашёл время и вылепил её портрет. Работа получилась на редкость оригинальной и была приобретена с выставки отделом культуры г. Свердловска.

Этапными работами в студии Мотовилова стали образы великих русских мастеров сцены: Ермоловой, Станиславского и Щепкина, приобретённые Севастопольским государственным русским драматическим театром. А образ великого русского композитора М. П. Мусоргского, который она имела честь создать, украшал Советский павильон на Международной Брюссельской выставке в 1957 году.

Среди её произведений в области портретного жанра особое место занимает бюст А. С. Пушкина (настольный). И в живописи, и в скульптуре, и в графике столько замечательных работ создано о гениальном русском поэте, что надо было иметь большую смелость пойти на этот шаг. М. Эшба посмела и сделала это. Результат был превосходным. Из-за хорошего качества исполнения данная работа была дважды выпущена массовым тиражом Московским фондом художественно-производственных мастерских.

В творчестве мастера важное место занимает также медальерное искусство. Одно время этот вид искусства не имел развития из-за ограниченности финансов. Но в 1956 году он получил новый импульс. С этого момента наша соотечественница стала выступать на выставках и конкурсах со своими медалями. О её успехах в этой области в то время писали такие газеты, как «Труд» (28 февраля 1958), «Советская Россия» (27 марта 1958), «Советская культура» (27 марта 1958). Ею был выполнен эскиз медали, выпущенной в связи с запуском первого советского спутника Земли. Медаль была отчеканена на Монетном дворе, представители многих стран увезли ее с Брюссельской международной выставки как замечательный сувенир. Но самый большой успех выпал памятной мемориальной медали «Москва», посвященной 800-летию со дня основания города. Вот что по этому поводу писала газета «Вечерняя Москва» 14 октября 1958 года: «Конкурс, проведенный в 1957 году Министерством культуры СССР, был посвящен созданию проекта памятной мемориальной медали «Москва». Представлены были 32 проекта. Первая премия присуждена московскому скульптору Марине Эшба».

Но она мечтала возвратиться на Родину, в Абхазию, несмотря на то что в столице чувствовала себя как рыба в воде. И возвращается. И здесь начинается ее подвижническая деятельность. Вскоре она возглавила Союз художников Абхазии, где проработала более десяти лет и заметно активизировала его творческую деятельность. Несколько раз ее избирали депутатом Верховного Совета Абхазской АССР, членом бюро Абхазского обко-

Венгрия, 1964 г.

ма партии, горкома, членом художественного совета Министерства культуры, она награждена многими правительственными наградами.

Марина Эшба всегда помогала растущим творческим людям, активно участвовала во всех политических процессах, происходящих в то время в Абхазии. Но никогда не оставляла и своё творчество. Она создала целую галерею портретов современников и современниц, общественных и культурных деятелей Абхазии — Иуа Когониа, Андрея Чочуа, Мери Авидзба, Фазиля Искандера, Татьяны Гулиа, Варвары Бубновой, Джумы Ахуба и др.

Надо было возродить и монументальное национальное искусство. Она взялась за это смело и создала в г. Гудауте выдающийся монументальный мемориал. Мемориал посвящен воинам-землякам, погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Еще один мемориальный комплекс, также посвященный павшим героям Великой Отечественной, установлен в селе Лыхны. Когда она работала над этими мемориалами, то вспоминала трудные военные годы, когда еще училась в школе. Как она с трудом продавала платки, вышитые ее матерью Марией Владимировной, и как на вырученные копейки жила осиротевшая семья, едва сводившая концы с концами.

Когда речь заходила о Ефреме Алексеевиче, всегда увлажнялись ее глаза.

— Мой отец любил перечитывать «Хаджи Мурата» Льва Толстого и эпос «Песнь о Гайавате, — говорила Марина, вспоминая счастливые мгновенья детства.

…Ефрема Эшба расстреляли как врага народа. С тех пор она жила памятью о нем, и ее заветной мечтой было создать образ отца.

Почему Ефрем Эшба любил читать «Хаджи Мурата», понятно каждому, кто мало-мальски знаком с историей того периода. Стоит взглянуть на памятник Ефрему Эшба, установленный в парке, на перекрёстке дорог. Как птица Феникс из пепла возродился он, расстрелянный, в этом памятнике. И хотя современные вандалы, ставившие своей целью уничтожить даже память о светочах абхазского народа, расстреливали его в годы Отечественной войны народа Абхазии, они просчитались.

* * *

Пора подумать и об увековечении имени автора этого памятника, так как Марина Эшба была не только первым, плодотворным, талантливым скульптором-женщиной в истории Абхазии, но и настоящей патриоткой.

2004 год.

Амиран Адлейба, скульптор, директор Сухумского художественного училища:

Во время знакомства с Мариной Ефремовной я был студентом отделения скульптуры Сухумского художественного училища. Мое поступление состоялось как раз в год открытия этого отделения. В 1974 году был первый выпуск. Моим руководителем был В. Лакрба. На защиту дипломов как председатель Союза художников Абхазии была приглашена М. Эшба.

Я представил «Скрипача». Это был стилизованный, вытянутый по вертикали, одухотворённый тип. Марине моя скульптура очень понравилась. Она высказала свое мнение, и с этого времени началось «строительство» наших взаимоотношений.

После окончания училища я поехал в Тбилиси для поступления в Академию художеств. Для этой же цели туда направился и В. Джения. Он был старше меня на три года (поступал после армии). Я мог бы поступать вместе с Виталием на факультет скульптуры, но с этической точки зрения как младший решил отложить поступление. И хотя я мог поступить на факультет прикладного искусства (ткани), почувствовав, что мне это не очень интересно, вернулся домой.

На следующий год опять не поступил, т.к. за диктант получил двойку. Марина Эшба узнала об этом. Обратила на меня внимание: начала по-настоящему болеть за меня. На следующий год поехала в Тбилиси, у нее состоялся разговор с ректором Академии. Она сказала, что не стоит поступать в этом году в связи с большим конкурсом. Кроме того, в тот год в академию поступал сын ректора, мне же помощи ждать было неоткуда. А на следующий год, как пообещала М. Эшба, поддержку при поступлении мне обеспечат. Но я не послушал Марину Ефремовну и поступил в тот же год.

Когда я уже был студентом, Марина приехала в Тбилиси и посетила мастерскую студентов I курса, когда мы были заняты лепкой.

Присутствующие сразу обратили на нее внимание, были очарованы её красотой и элегантностью. Интересовались: кто она? Я был в восторге от того, как окружающие восприняли Марину Эшба.

Я сопровождал Марину во время ее визита в Академию. Она общалась с Кокой Махарадзе. Чувствовалось, что представитель Академии встречал ее с открытым сердцем, интересовался, какие вопросы привели Марину в наше учебное заведение.

Кока Махарадзе всегда считал себя абхазом, его бабушка была Ачба.

А Марина пришла в Академию, чтобы на месте увидеть, как я осваиваю скульптурное мастерство. Кроме того, любопытствовала, с какими проблемами сталкиваюсь.

Это была достаточно мимолётная встреча, но я ее хорошо помню.

После окончания Академии я тонировал её портреты. Это происходило как раз накануне её небольшой персональной выставки.

Был свидетелем, как она работала над пор-

третами Татьяны Конджария, Гули Кичба и молодых жителей Абхазии.

В последние годы ее жизни я как-то зашел к ней на квартиру в Синопе, рядом с университетом. Дверь была открыта. Был включен чайник, который почти выкипел. А она сидела на диване. Жуткий звук шипения чайника без воды. Я до сих пор под впечатлением от того страшного зрелища, мне его не забыть.

Марина Эшба — сильнейший мастер, выше нее профессионала в Абхазии я не знаю. Для меня ее творчество — эталон. Но вкусы могут быть разными. Наши скульпторы Гена Лакоба, Виктор (Стасик) Иванба, Виталий Джения — каждый индивидуален по-своему.

Но Марину как мастера, как интеллектуала никто не заменит. Я перед её памятью буду преклоняться всегда. Это — великая женщина! В конце концов, она дочь Ефрема Эшба — величайшего человека.

Она по воле судьбы была в Абхазии, когда нам это было необходимо. Она появлялась, как появлялся в свое время Владислав. Она была председателем Союза, собрала вокруг себя талантливых людей, таких, как Ольга (О. Брендель-старшая) и многие другие.

Она патриот, организатор. И добрые семена, что она «посеяла» в свое время, мы пожинаем по сей день. Дай Бог, чтобы конца этому не было.

Записано в 2018 году.

Нугзар Логуа, живописец, председатель Объединения независимых художников Абхазии «Апсны-Арт»:

«Марину как художника-профессионала я узнал гораздо позже, чем состоялось мое знакомство с ней как с человеком — после окончания Академии художеств в Тбилиси.

До этого я видел ее произведения, когда еще был студентом Сухумского художественного училища. Но студенты есть студенты, и не всегда в полной мере могут дать оценку произведению художника. В училище преподавали профессиональные мастера, такие как Хута Авидзба, Венера Гагулия, Сергей Габелия.

Марина Эшба возглавила Абхазское отделение Союза художников Грузии, но название данной организации, а главное, подчиненность Союзу художников Грузии с самого начала была ей не по душе. И ее усилия как председателя в первую очередь были направлены на ликвидацию отделения и реорганизацию его в Союз художников Абхазии. И по прошествии достаточно большого промежутка времени, только в 1966 году, она возглавила уже полноценный Союз художников Абхазии.

Она, конечно, была Железной леди. Поколение людей, к которому она относится, на мой взгляд, относится к самому яркому слою интеллигенции Абхазии.

Вокруг председателя Союза всегда был коллектив художников. Но многое зависело от самой Марины. Ее окружали талантливые мастера-художники — Хута Авидзба, Сергей Габелия, Виктор (Стасик) Иванба, Тариэл Ампар, Валерий Гамгия. Однако все они были гораздо младше Марины.

Но она, конечно, больше всех дружила с Ольгой Брендель и, в первую очередь, как с женщиной. Хотя Марине наряду с деловитостью была свойственна и некоторая капризность.

Из-за высокой образованности и аристократичности Марина многим, мало знавшим ее людям, казалась недоступной. А дружба между Мариной и Ольгой — этими двумя личностями — живописцем Ольгой Брендель и скульптором Мариной Эшба — была очень крепкой и продолжалась с момента знакомства всю жизнь.

Взаимоотношения Ольги Брендель и Марины Эшба я застал, уже вернувшись из Академии. А точнее, в 1977 году, когда я сам стал председателем Союза художников Абхазии у меня появилось больше возможностей общаться с большими художниками. Хотя в то

время О. Брендель и М. Эшба уже были на пенсии.

Ольга Брендель — замечательный живописец, интеллигентная женщина, прекрасный человек. Ей нравились мои этюды, она давала им высокую оценку. Причину этого, в первую очередь, я видел в том, что это был период, когда и я, и Ольга Брендель увлекались импрессионизмом. Она своего увлечения не скрывала. И мне, конечно, тоже было интересно видеть её картины. И эта общность интересов притягивала нас друг к другу.

Познакомиться поближе и узнать Ольгу Брендель я смог, только посетив её дом, дом уникальный. В моих воспоминаниях остались цветы, которые Ольга сама сажала и выращивала.

Внутри дома мы проводили очень приятные вечера, на которых присутствовала Марина. Говорили не только об искусстве, но и о политике.

Марина была дочерью известного революционера, и, конечно, она не могла не затронуть в разговоре политическую составляющую нашей жизни.

Но не это было самым главным для нее. Для Марины Эшба важным было, чтобы абхазское искусство состоялось. Вместе со своими коллегами она создала атмосферу для раскрытия национальных особенностей изобразительного искусства. Этим воздухом начинало дышать и последующее поколение художников.

В 60-х годах трудно было пробивать лимиты, трудно было поступать в художественные вузы России и Академию художеств в Тбилиси. Но М. Эшба поставила перед собой цель: добиться получения возможности увеличивать число молодых художников. Осуществить это было не так просто. Но Марина благодаря своей деловитости и тому уважению, которое ей оказывали члены правительства, смогла это сделать. И в период, когда она была председателем Союза художников Абхазии, лимиты в вузы художественной направленности стали выдаваться ежегодно.

Абитуриенты, поступающие в Академию художеств в Тбилиси, заканчивали её, возвращались домой, в Абхазию, и коллектив художников пополнялся новыми профессионалами в области изобразительного искусства. Появилась целая плеяда молодых художников, которые со временем становятся маститыми и значимыми личностями для Абхазии. Появилось поколение, о котором я уже говорил, а потом и моё поколение. И, конечно, несмотря на разницу в возрасте, все друг с другом общались с большим удовольствием.

Что касается собственного творчества Марины Эшба, то она оставила в абхазском искусстве очень значительный след.

Женщина-скульптор. Работа очень тяжёлая. Я это знаю очень хорошо, не понаслышке, т.к. моя супруга скульптор.

Процесс ваяния — это тяжелейший труд не только для женщины, но и для мужчины. Это связано с материалами, тяжестью, пылью. Всегда надо находиться в среде, где сложно, а порой и неприятно работать. Особенно, когда материалом служит гипс. Но и глина в качестве основного материала постоянно сырая, и потому от контакта с ней легко можно простудиться.

Несмотря на внешнюю хрупкость Марины, у этой женщины удивительным образом по-

лучалась лепка. Как говорят у нас, мальчиков, по-мужски. Особенно удивительной была пластика.

Марина Эшба училась у Екатерины Белашовой. До конца жизни Е. Белашовой *(1971 г. — **О. В.-Б.**)* Марина была связана со своим педагогом, и они общались, как подруги. Роль Е. Белашовой в становлении М. Эшба как скульптора имела колоссальное значение.

Вот посмотрите на её барельефы, портреты. Особенно хочется отметить монументальные работы Марины Ефремовны. Она специализировалась в этом направлении. У неё есть и реалистические, и пластические барельефы.

Не умаляя ни в коем случае деятельности других скульпторов, произведения Марины Эшба я хотел бы выделить, т.к. это была определенная серьезная школа в области скульптуры.

Марина Эшба очень дерзко взяла на себя ответственность за Лыхненский комплекс, посвященный героям Великой Отечественной войны из этого села. В этой работе история Абхазии представлена очень глубоко. Скульптуры высечены из камня. Насколько я знаю, это белый известняк, а не гранит. С гранитом тяжело работать. Но, несмотря на это, комплекс заслуживает внимания.

Интересен и Гудаутский памятник скорбной матери. Но в то же время она совсем не скорбная. Этот мемориал в центре Гудауты также посвящён Великой Отечественной войне.

Но самый главный памятник для М. Эшба и для нас, мне кажется, это всё-таки монументальный портрет ее отца, Ефрема Эшба, который установлен в центре Абхазии, в городе Сухуме. Это, между прочим, модернистская работа. Может быть, первая модернистская работа в условиях Абхазии. Подобного монументального произведения я ещё не видел.

Марина Ефремовна Эшба родилась в самые тяжёлые времена. В Абхазии вряд ли найдется человек, который бы не знал, что она родилась в Лондоне, в семье Ефрема Эшба.

Все знают историю её отца, который до конца своей жизни проводил четкую национальную политику. Е. Эшба не раз арестовывали, но он продолжал принципиально настаивать на проводимой им линии.

Е. Эшба — абхазец, он ставил вопросы национальной политики перед Сталиным открыто и говорил ему, что несправедливо распределение государственной системы в политике.

Он настаивал на своём курсе, не боясь ничего. И до конца оставался таким. Большевиком в лучшем смысле этого слова. Страшная участь постигла его: он был репрессирован в 1937 году, и его расстреляли.

Марина была ещё маленькой. Она выросла без отца — сиротой, в тяжёлых условиях.

Вечная память, Вечная слава ей! Мы должны помнить, ценить таких людей, а тем более мы, художники. Мне кажется, она незаслуженно находится в тени. Наша задача увековечить её имя. Она сделала многое для Абхазии, для развития абхазского искусства.

Я недавно написал о ней статью. И буду рад, если кто-нибудь продолжит мои начинания.

Надо отдавать должное таким людям, как Марина Эшба, которые, несмотря на трудности жизни, на национальное противостояние, всё выдержали».

Записано в 2017 году.

Портрет Татьяны Гулиа

Геннадий Лакоба, скульптор, член Союза художников Абхазии

На мой взгляд, Марине Эшба больше удавались работы портретного жанра. Среди них я выделяю портрет Татьяны Гулиа и мало кому понятный портрет Варвары Бубновой на барельефе, который установлен на доме, где жила художница. Это по-настоящему сильные и прекрасные работы.

Записано в 2017 году.

Василий Мхонджия, живописец, член Союза художников Абхазии:

«Очень многого достойна Марина Эшба. О ней можно писать книгу. Велик ее вклад в развитие абхазского изобразительного искусства. Я ещё учился, когда М. Эшба пришла в Союз художников. Она была единственным представителем абхазского народа в скульптурном искусстве в начале шестидесятых годов. В Союзе преимущественно состояли грузинские художники. Это был период, когда грузинская интеллигенция подавляла ростки абхазского национального искусства. И это давление было неприкрытым. Когда она пришла в Союз художников, для абхазских талантливых людей наступила долгожданная оттепель.

Марина Эшба много работала не только в Союзе художников, но и как общественный деятель. При этом очень переживала, что не владеет абхазским языком. У нее не было возможности выучить родной язык. Родилась она в Лондоне, потом отец её был репрессирован.

В 50–60-х годах в правительстве Абхазской АССР были такие патриоты, как Аслан Тамшугович Отырба и министр культуры Владимир Джгунатович Кварчелия, которые содействовали усилиям М. Эшба по налаживанию деятельности Союза художников и улучшению социальной жизни его членов. Но сопротивление со стороны многих других представителей власти было большое.

Помню, у нас, молодых художников, только что получивших образование, не было ни работы, ни жилья. Она содействовала, помогала нам, как мать. Бывало, в буквальном смысле брала за руку и водила по инстанциям.

Так она добивалась для абхазских художников перемен в жизни к лучшему.

Ефрем Эшба и Мария Щигровская

События в Абхазии развивались. С первыми застрельщиками национально-освободительного движения вставали и мы, первые выпускники Тбилисской академии художеств, потом народ. Абхазское письмо 1978 года, которое Марина Ефремовна подписала, не пропускали по инстанциям. В связи с этим Марина Эшба поехала в Москву и обратилась к Анастасу Микояну. Он был соратником Ефрема Эшба, и Марина, будучи ещё маленькой девочкой, встречалась с ним. Анастас Иванович помнил, как брал на руки Марину, как она сидела у него на коленях. Дружба между Микояном и ее отцом позволила Марине в момент острой необходимости отправиться к А. Микояну домой. И там подробно, без свидетелей, она объяснила ему, уже пенсионеру, все нюансы жизни абхазов 1978 года на нашей собственной Родине. Микоян задал М. Эшба вопрос: «А лично ты как думаешь, как вы проживете в составе Грузии? Твое личное мнение». И Марина ответила: «Мы долго не протянем».

События были непростыми, но Марина Эшба, будучи председателем Союза и членом КПСС, справлялась со многими сложностями благодаря волевому характеру.

Жилищно-бытовые условия существования у художников-грузин были намного лучше, чем у абхазов и представителей других народов. А Марина Эшба старалась повысить жизненный уровень художникам-абхазам, которые возвращались после окончания учебы домой и начинали работать.

Вместе с А. Отырба и В. Кварчелия Марина Эшба добивалась получения лимитов для молодых, чтобы они могли поступить в Тбилисскую академию художеств. Таким образом, каждый год ряды художников пополняла творческая молодежь из числа абхазов.

Решая те или иные вопросы, касались ли они политики или изобразительного искусства, Марина Эшба всегда твердо отстаивала свою позицию.

Выполненный в Гудауте Мемориальный комплекс можно характеризовать как изумительный. Приятно, что он имеет фольклорный подтекст. В качестве главной героини и центральной фигуры памятника представлена Гунда — сестра нартов. Она держит поднятый палец на вытянутой руке и зовёт домой вернувшихся и не вернувшихся.

Что касается мемориала в Лыхны, то этот ансамбль требует отдельного изучения и оценки будущих поколений. В нем заключена вся история нашей Родины.

Искусству скульптурного мастерства она училась у самой Екатерины Белашовой, получила прекрасное профессиональное образование и воспитание. Круг общения её был широк. Всегда, когда нам было трудно, мы обращались к ней. И она помогала нам во всех вопросах. Красивая женщина, как внешне, так и внутренне.

Жаль, что абхазские представители изобразительного искусства не создали при жизни её портрета. Её портрет создала только В. Бубнова.

Спасибо Ольге Брендель-младшей, что она начала собирать воспоминания о Марине Ефремовне Эшба».

Запись 2017 года.

Заур Мукба,
живописец, график, член Союза художников Абхазии:

«Я окончил Харьковский художественно-промышленный институт в 1971 году и приехал в Сухум. И это был год моего знакомства с Мариной Эшба, приобщения к Союзу художников Абхазии. В это время она была председателем этой творческой организации. Это был период, когда правление Союза художников Абхазии под её руководством проводило собрания и замечательные вечера. В них участвовали все члены Союза художников, на них приглашали молодых профессионалов, закончивших вузы художественной направленности, но ещё официально не принятых в организацию художников.

Марина Эшба была очень хорошим организатором в этом творческом коллективе. И в первую очередь это касалось творческого настроя – и не только членов Союза художников, но и молодых профессионалов.

Марина Ефремовна не скрывала от окружавших её художников свои небольшие победы. Особую радость она испытывала, когда представители абхазского народа после окончания Тбилисской академии художеств или других вузов художественной направленности возвращались в Абхазию. Стоит подчеркнуть, что это был период, когда в Союзе художников абхазов было совсем немного.

Однако молодым художникам помощи никакой оказать не могли, т.к. Союз художников располагал лишь незначительными средствами.

Но Худфонд постоянно получал заказы. Их преимущественно выполняли члены Союза, уже достаточно проявившие свои творческие способности.

Однако Марина Ефремовна прилагала все усилия, чтобы при распределении заказов учитывались возможности и молодых художников и они тоже могли бы получить заказы через художественно-производственные мастерские.

Она тем самым стремилась, чтобы молодые художники — представители абхазского народа, вдохновленные опытом мастеров старшего поколения, раскрывали свои способности и не отставали от своих коллег.

Именно в отношении к молодым художникам-абхазам, в помощи, направленной на раскрытие их творческого потенциала, проявлялся патриотизм Марины Ефремовны, ее любовь к своему народу».

Записано в 2017 году.

Александр Донченко,
керамист, член Союза художников Абхазии:

«Марину Ефремовну я, конечно, знал. Она была у нас председателем Союза художников. Но мне казалось, что она нисколько не похожа на всех нас, больше в ней чего-то космического.

Как-то раз Марина Ефремовна попросила меня помочь ей отлить бюст. Но сразу дала мне понять, что делать нужно лишь то, что она мне скажет: никакой самодеятельности.

Обычно отделение гипса от глины осуществлялось с помощью перепонок и железных трубок. А я получил приказ: «Лей воду!». Я даже сначала не понял, куда и зачем. Она повторила приказ ещё раз. И лишь затем я понял куда. А зачем, я сообразил лишь после того, когда гипс стал довольно легко отходить от глины.

Этому методу отливки меня научила Марина Ефремовна, когда мне было 25 лет».

Записано в 2018 году.

Виталий Киут, в прошлом старший мастер художественно-производственных мастерских:

«В 1979 году я пришёл работать в Худфонд старшим мастером. Председателем Союза художников был С. Габелия. Отношение М. Эшба к окружающим было, как к младшим братьям. Ездили на объекты, которые она исполняла.

Её нельзя забыть как патриота. Она собрала и подняла национальные кадры (Х. Авидзба, Т. Ампар, В. Иванба, В. Гамгия). Ее роль в этом очень велика.

Она старалась создать условия для нормальной работы членам Союза художников. Считала, что если им поможешь, то и они будут помогать последующим поколениям художников. В частности, она добилась выделения Союзу художников земли для того, чтобы члены Союза могли построить мастерские для полноценной работы. Для тех, у кого были частные дома, она добилась возможности увеличить их площадь за счёт строительства мастерской (немалую роль в этом сыграл зам. председателя Совета Министров Абхазской АССР А.Т. Отырба).

В 1981 году в Гудауте был открыт Мемориал Славы гудаутцам, погибшим во время Великой Отечественной войны. На оценку выполненной работы ездили представители Худсовета и старший мастер.

Председателем исполкома Гудаутского райсовета народных депутатов в то время был М. Ахиба. Собрались в его кабинете, и нам был оказан приём на высшем уровне. М. Ахиба высоко ценил роль Е. Эшба в становлении Советской власти в Абхазии. Марине Ефремовне и всем присутствующим он показал фото своего отца с Ефремом Эшба. Куда бы мы ни ездили с М. Эшба, её всегда встречали как дочь выдающегося революционера Е. Эшба.

В Мемориале внимание мое было обращено на скульптуру Гунды. Очень изящно, красиво вытянута вверх рука героини абхазского эпоса.

Работа была выполнена очень грамотно и изящно вписана в архитектурный ансамбль.

Марине Эшба в большей степени удавались портреты и бюсты. Мне лично особенно нравится памятник Ефрему Эшба. Он не просто выполнен профессионально, в него вложена любовь дочери к отцу. Заслуживают внимания портреты Фазиля Искандера и младшей Ольги Брендель.

Марина Ефремовна проявила мудрость, думая о будущем абхазского искусства. Да и саму ее как личность не запомнить было нельзя: красива, умна, умела постоять за себя, за всех нас, могла и стукнуть кулаком. Имела мужественный характер.

Помню свои встречи и с Нури Акаба. Он был патриотом. Всегда строгий, но справедливый. Приглашал меня к себе на работу. Уделял внимание младшей Ольге Брендель и помогал ей утвердиться в жизни.

Записано в 2017 году.

Гули Кичба, общественный деятель

Марину Ефремовну в Абхазии знали все — и как дочь революционера, соратника Нестора Аполлоновича Лакоба, высокообразованного абхаза, на которого равнялись современники, и как великолепного скульптора. И, конечно, каждому было интересно познакомиться с ней.

Все восхищались прежде всего ее красотой. Она была необыкновенно красива, талантлива, художник, скульптор. В 60–70-е годы XX в. возглавляла Союз художников Абхазии.

Я с ней познакомилась еще студенткой II курса. Меня пригласили в Абхазский драматический театр, и я сыграла две главные роли в спектаклях, режиссером которых была двоюродная сестра Марины Ефремовны, Нелли Ражденовна Эшба.

Марина часто приходила к ней и видела меня и в спектаклях, и на репетициях. И както раз она предложила мне позировать ей: «Не будете против, если я слеплю ваш портрет?»

Я была молодой, к тому же еще очень стеснительной. Хотя я уже и играла на сцене, но так и не стала раскрепощённой, впрочем, как и все, кто рос в наше советское время.

Признаюсь, мне было приятно, что известный скульптор хочет слепить мой портрет, но кто мог быть рационален в двадцать лет? Сейчас я понимаю, что не надо было отказываться, но я поскромничала.

Кстати, с таким же предложением ко мне обращался и коллега Марины Ефремовны Бидзина Гоголеридзе. Он как-то подошел ко мне и сказал: «У вас такой редкий типаж. Не согласитесь попозировать мне? Я слеплю ваш портрет».

И тут я от неожиданности замялась, замешкалась...

Мы с Мариной Ефремовной встречались очень часто вместе с моей будущей золовкой, Нелли Тарба, народной поэтессой Абхазии, которая дружила с Этери Когониа, народной артисткой Абхазии и Грузии.

И в 80-е годы, когда уже вовсю бурлило национально-освободительное движение, мы продолжали общаться.

И вот они, эти выдающиеся женщины — Марина Ефремовна, Нелли Тарба, Этери Когониа — были в гуще всех событий. Они, конечно, были все красивы. Это удивительно, каждая по-своему.

Когда приезжали «эмиссары» из Грузии из числа деятелей культуры, то им, естественно, не очень нравилось, что наш народ отстаивает свои права и требует, чтобы они соблюдались, так эти прекрасные женщины четко и аргументированно защищали интересы Абхазии. Это я отлично помню.

Марина Ефремовна лично для меня была такая тончайшая, как само изваяние, как скульптурный монумент. У нее всегда были приглажены волосы, она была причесана в классическом стиле и прекрасна тонкой классической красотой.

А потом началась война, и хотя длилась она чуть больше года, но этот год изменил, и трагически, очень больно изменил жизнь каждой семьи.

После войны, уже потеряв на войне сына, я шла по улице в трауре и встретила Марину Ефремовну. Мы, естественно, поздоровались, обнялись. Довольно долго говорили о прошедших событиях. И вдруг она задала мне вопрос: «Гули, а не хотели бы вы, чтобы я сейчас слепила вас, представила как образ матери?» А я спросила: «Сниму ли я для этого косынку или нет?».

(Во время этих воспоминаний на глазах у Гули Кичба выступили слезы. И она сказала: «Сейчас заплачу»).

— Как вы хотите, только соглашайтесь. Но не тяните с решением, — ответила она.

Мне почему-то захотелось себя оставить в этой скорби, чтобы не была утрачена печаль этих событий и остался мой образ таким, каким он был в самые тяжелые, самые болезненные дни после моей потери. Наверное, в этом была причина, потому-то я и согласилась и отправилась в мастерскую Марины Эшба в качестве модели. Спустя много-много лет после первого предложения, сделанного когда-то наивной юной девушке.

Портрет матери (Г. Кичба)

Наше общение продолжалось всего 3–4 сеанса, но за это время мы рассказали друг другу обо всем: она мне о себе, а я ей — о себе.

Решилась я задать Марине Ефремовне и личные вопросы: «Вы такая красивая женщина, наверное, у вас было много поклонников?»

— Да не без этого, конечно, — просто ответила она.

Думаю, Марина Ефремовна не обидится на меня, если я перескажу один из ее рассказов. Как-то в Москве на очередном Съезде художников СССР присутствовал первый секретарь Московского горкома партии В. В. Гришин, очень влиятельное лицо в СССР. На банкете Марина Ефремовна, которой всегда давали слово на подобных мероприятиях, выступала от имени Абхазии. И, видимо, Гришин обратил на нее внимание. Спустя некоторое время к ней подошли от имени Гришина и пригласили на дополнительную беседу. Она выразительно взглянула на гонцов и отказалась от встречи. Она была оскорблена. Она была кавказской женщиной, с чувством собственного достоинства.

Я говорила, что это героизм — как наш народ выиграл войну, малочисленный народ смог противостоять, можно сказать, всему миру, т.к. нас мало кто поддерживал, даже Россия (я имею в виду ее руководство).

И ей, художнице, было очень трудно принять, что Победа завоевана такой страшной ценой и столько жизней за нее отдано.

* * *

Мне долго не давала покоя мысль найти тот особый момент, который помог бы призвать матерей снять траурные косынки. Ведь наши сыны погибли за светлое будущее для всех в нашей Абхазии, но я никак не осмеливалась сказать об этом.

И вот именно во время встреч с Мариной Ефремовной я решилась: именно общение с ней подвигло меня на то, что я в 1996 году осмелилась сделать.

А было это так: я была одной из организаторов благотворительного марафона в поддержку строительства Мемориала Славы. И мы готовили митинг.

Когда я вышла на сцену, то увидела, что весь зал чёрный, как «Черный квадрат» Малевича, и пронеслась мысль: «Боже мой, ничего из моей затеи не выйдет».

И тем не менее я без всякой подготовки начала говорить, призывая матерей сбросить черные шали. Не для черного траура пали наши сыны, а для радости, ради вечной свободы Апсны.

В это время подошла к сцене мать погибшего Лагвилава, и я сняла с нее косынку со словами: «Сыны не умирают, их не оплакивают».

Сразу за ней подошла и Марина Ефремовна. Она сказала: «Вы мне прибавили сил». Вот такая она была. Настоящая. Чувств не стыдилась.

Вскоре состоялась выставка, посвященная очередной годовщине Победы. И была выставлена ее работа – мой скульптурный образ. И ей дали очень высокую оценку.

Марина Ефремовна очень сожалела, что портрет был сотворен не из очень хорошего материала, но тогда, после войны, у нее не было другого, чтобы создать образ скорбящей матери как символ нашей Победы, как символ материнства.

В моем скорбном портрете она увековечила трагедию, которую перенес наш народ. И я благодарна судьбе, что мне довелось быть знакомой с такими великими людьми, как Марина Ефремовна Эшба, как Сергей Габелия. Они творили во имя того, чтобы в нашем мире не было повода создавать портреты скорбящих матерей.

И я благодарна и судьбе, и памяти Марины Ефремовны, и тому, что вы, Ольга, сегодня берете у меня интервью. Спасибо».

Записано 12.06.2018.

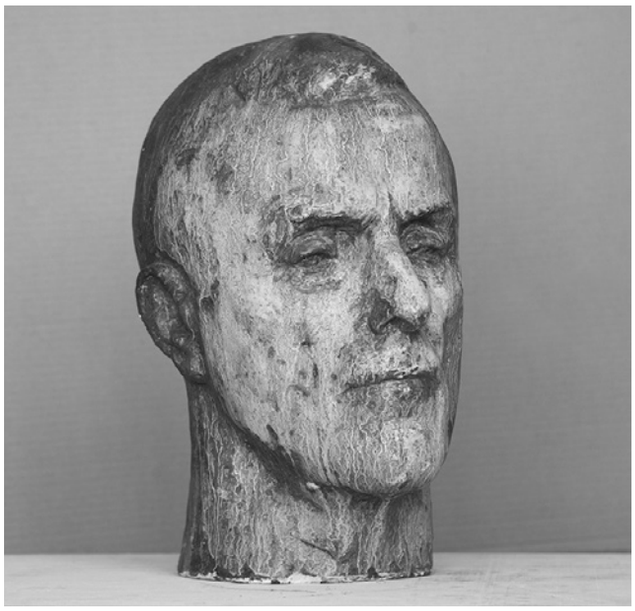
Марина Эшба и Вера Акимушкина

Владимир Зантария, академик АНА, советник Президента Республики Абхазия по вопросам культуры, науки и образования:

«Марина Ефремовна Эшба — яркая, масштабная, художественная личность, скульптор–монументалист. Она была известна не только в Абхазии, но и за ее пределами. Окончила Московский институт декоративно-прикладного искусства, отделение скульптуры. Училась скульптурному мастерству у известного мастера Екатерины Белашовой и получила очень хорошую теоретическую и профессиональную подготовку.

Став профессиональным скульптором, она осталась работать в Москве и очень увлеклась революционной темой. Была известна как автор многофигурной композиции в барельефе «Стачка. 1905 год».

Перед Дворцом науки в Варшаве была установлена монументальная скульптура «Рабочий» (гранит) высотой более трех метров. Автором ее является Марина Эшба. Она также принимала участие в оформлении театральных фасадов, в частности Севастопольского драматического театра. Она известна



как автор портретов, ею созданы станковые портреты выдающихся деятелей культуры — Станиславского, Щепкина и других.

Марина Ефремовна — создатель парнофигурной композиции «Молодость». Данное произведение очень оригинально и самобытно.

Во время работы в Москве Марина Эшба была участником многих всесоюзных конкурсов. На Всесоюзный конкурс «Создание медалей для городов» она представила медаль под названием «В память запуска в СССР первого в мире искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года». Медаль по ее эскизу была признана лучшей, а сама Марина Ефремовна стала победителем конкурса.

Вернувшись в Сухум, Марина Эшба много времени посвящает созданию станковых портретов государственных деятелей Абхазии, писателей, актеров, ученых. После смерти писателя Фазиля Искандера на его могиле на Новодевичьем кладбище в Москве был установлен памятник, выполненный на основе выполненного ею его скульптурного портрета. Такой это был потрясающий портрет!

Интересен и портрет Джумы Ахуба.

По-особому она подходила к работе над портретом своего выдающегося отца, Ефрема Эшба. Памятник ему, выполненный из мрамора и гранита, стоит в центре г. Сухума. Решение этого портрета очень интересное. На мой взгляд, образ Е. Эшба — одна из самых удачных монументальных ее работ.

В г. Гудауте ею создан мемориальный комплекс, посвященный воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Выполнен он из кованой меди. Обидно, что мало кто помнит, что его создателем является первая женщина-скульптор абхазского происхождения Марина Эшба.

Создан Мариной Эшба и мемориальный комплекс в Лыхны, также посвященный воинам Великой Отечественной войны.

Будучи председателем Союза художников Абхазии, Марина Ефремовна последовательно и целенаправленно добивалась выхода Абхазского союза художников из состава Союза художников Грузии.

Представители старшего поколения хорошо помнят, что она была одной из тех, кто ставил вопрос о независимости Союза художников Абхазии.

Это было очень важно, поскольку союзы художников и писателей, являясь абхазскими отделениями Союза художников Грузинской ССР и Союза писателей Грузинской ССР, были под диктатом. Марина Эшба много сделала для роста и укрепления материально-технической базы Союза художников Абхазии, старалась найти возможности для дальнейшего его развития.

Большое внимание она уделяла молодым художникам. Они и сейчас её помнят. Беспокоилась о таких художниках, как В. Гамгия, Х. Авидзба, В. Цвижба, всех сплачивала.

Марина Эшба была патриоткой. Она никогда не забывала, что является дочерью видного политического деятеля Ефрема Эшба, погубленного в годы репрессий. Я беседовал с ней во время съёмок документального фильма, посвящённого её творчеству. Она показывала мне письма отцы с Колымы, которые ей удалось сохранить.

Даже по письмам чувствуется, что Ефрем Эшба был не просто революционером, а большим дипломатом, интеллектуалом с широким художественным мировоззрением. Обо всём этом говорят его письма. Как человек большого ума и энергии, он образно описывал природу и людей.

В Лондоне он работал в торговом представительстве СССР, в Америке — в дипломати-

ческом корпусе. Марина Ефремовна и Елизавета Ефремовна через всю жизнь пронесли любовь к отцу. Они выросли достойными дочерьми. Тяжело им было вставать на ноги. Но они встали.

Марина Ефремовна не мыслила своей жизни вне Абхазии. Она вернулась на Родину и оставила свой след в национальном и мировом искусстве.

Пришла пора воссоздавать музей Нестора Лакоба и создавать музей Ефрема Эшба.

Я считаю себя человеком, который немного разбирается в искусстве, и очень высоко оцениваю Марину Ефремовну как скульптора. Но как для гражданина Абхазии смелость Марины Ефремовны Эшба в качестве общественного деятеля для меня более значима, не скрою. Не случайно один из моих фильмов посвящён жизни и творчеству Марины Эшба. Он хранится в архиве Абхазского телевидения. Надеюсь, что со временем он не окончательно утратил качество и его еще можно восстановить.

Мне удалось сделать документальные фильмы об Ольге Брендель, Викторе Иванба, Тариэле Ампар, Валерии Гамгия. Фильм о Марине Эшба, на мой взгляд, самый удачный. Я был рад, что она с удовольствием согласилась сотрудничать и воскресила в памяти всё пройденное, прожитое, выстраданное, приоткрыла даже секреты своей творческой лаборатории.

Она была очень строгая, не простая. С собеседником держала дистанцию, не просто раскрывалась. Стоило ей почувствовать недоброжелательность, она тут же могла прекратить общение.

Она была дворянского происхождения. И это читалось в её образе. Внешне она была красива и очень колоритна. Одним словом, настоящая абхазка».

Записано в 2018 году.

Цугба Вячеслав Михайлович, общественный деятель:

«Марина Эшба была многогранным человеком, одной из наиболее ярких представителей абхазской интеллигенции, всесторонне образованной.

Я думаю, что она является первым художником-скульптором, который следовал за родоначальником абхазского национального искусства А. Чачба-Шервашидзе.

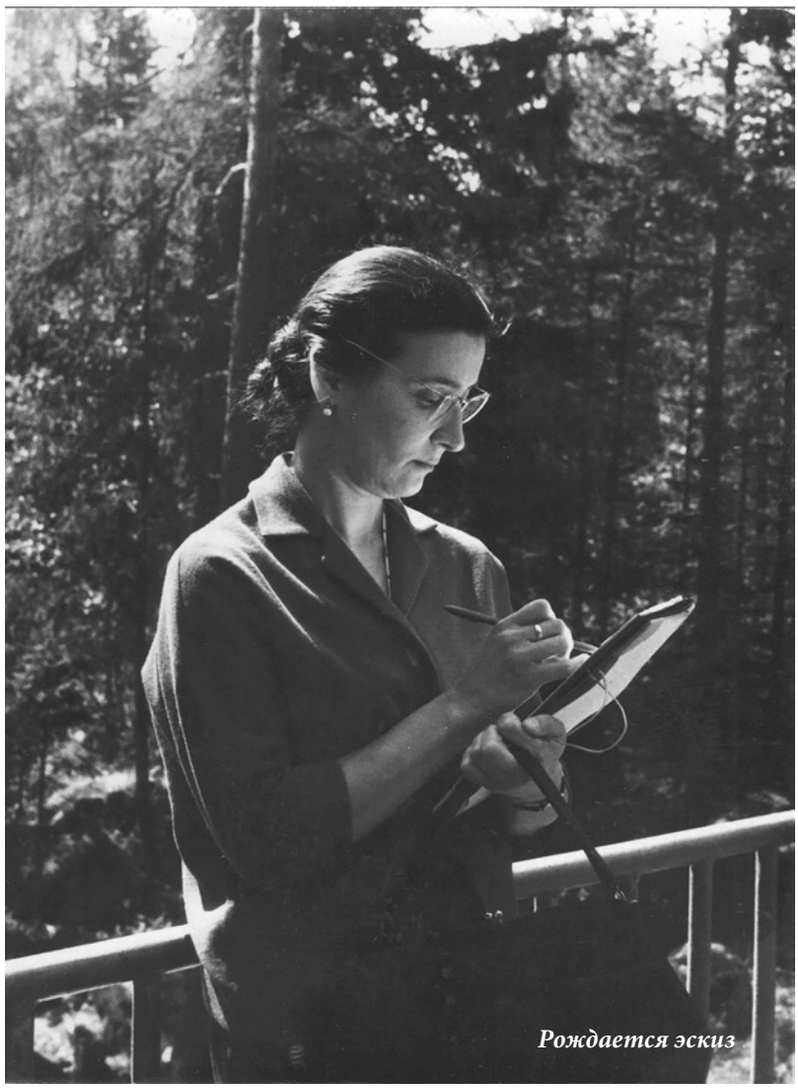
Я ее, конечно, хорошо помню, много с ней встречался, общался. Но был намного моложе ее, поэтому когда она приехала в Сухум, частого общения с ней не имел.

Наши встречи сделались постоянными, когда я занял должность Первого заместителя Председателя Совета Министров Абхазской АССР и курировал вопросы культуры и образования, а она была председателем Союза художников Абхазии. Коллектив художников включал в то время особую их плеяду.

Марина Эшба, как и подобает председателю творческого Союза, заботилась о своих подопечных, делала все, чтобы Союз художников Абхазии как общественная организация состоялся. В частности, решала немало вопросов по оказанию помощи Худфонду – организации, которая финансировала деятельность наших художников, снабжала их красками, кистями, холстом, глиной и всем тем, без чего не могли работать представители изобразительного искусства.

Хочу подчеркнуть, что Марина Эшба сама очень много работала и много выставлялась. Помню, какое впечатление произвела на меня совместная выставка Марины Эшба и Ольги Брендель. Экспозиция была богатая: она включала скульптурные работы Марины и живописные полотна Ольги. Выставка стала грандиозным событием в культурной жизни Абхазии.

В зале я увидел одну из лучших станковых скульптур Марины — портрет Джумы Ахуба. У Джумы от природы очень интересное



Рождается эскиз

лицо, и скульптор сумела не только передать внешнее сходство с натурой, но и выразить внутреннее состояние писателя. Мое внимание привлек и портрет Фазиля Искандера. Насколько мне известно, памятник Фазилю Искандеру, установленный после смерти писателя на Новодевичьем кладбище, отлит на основе того самого скульптурного портрета, выполненного Мариной в 1964 году.

Во время поездки в Варшаву я не преминул побывать на известной Маршалковской улице, но побывал я там не только потому, что на этой улице размещался Дом советской науки, но и потому что мне хотелось увидеть фигуры, украшающие фронтон здания. И одна из них была выполнена моей соотечественницей Мариной Эшба.

Работа Марины Эшба украшает и фронтон здания Театра имени М. Н. Ермоловой в Москве. В свое время я учился в российской столице и неоднократно бывал в этом театре. Каждый раз я с гордостью показывал друзьям выдающийся образ великой актрисы, созданной нашей Мариной Эшба.

Кроме того, она была первым абхазским скульптором, обратившимся к медальерному искусству.

На улице Чочуа в Сухуме (ныне улица Дзидзария), во дворе многоквартирного дома, где она жила, находилась её небольшая мастерская. Когда бы я ни пришел, я заставал её за работой. Скульптор творила и была вся в глине. Вся мастерская была заставлена её работами. К сожалению, я не знаю, где эти произведения сегодня.

До последних дней жизни она оставалась очень красивой, очень интересной женщиной. И при этом она была крупной личностью с мощным характером, она унаследовала многие черты своего отца — выдающегося государственного деятеля Ефрема Алексеевича Эшба. Она участвовала во всех мероприятиях политического характера, и ей всегда отводили самое видное место. Она умела убедительно и ярко говорить и всегда достойно могла представить наше государство на любом уровне.

Я убедился в этом, когда мы с Мариной Эшба вместе отправились на Северный Кавказ, на юбилейные торжества. Встречали нас особо. Подарили коня. К нам подходили люди, которые помнили отца Марины, Ефрема Эшба, ведь какое-то время он работал в Чечне. Поэтому встреча Марины с жителями Северного Кавказа оказалась такой интересной и запоминающейся.

Ефрем Эшба был человеком чрезвычайно образованным, он принимал активное участие в борьбе абхазского народа против меньшевиков, непосредственно контактировал с Лениным и от него напрямую получал распоряжения о дальнейшей деятельности. Ефрем Эшба был прекрасным организатором, и эта

способность отца передалась его дочери.

Считаю важным напомнить, что Марина Эшба была активным участником национально-освободительного движения.

У нас проводились референдумы по сохранению Советского Союза, и Марина принимала в их организации активное участие. Во время выборов в первый Парламент Абхазии, Марина Ефремовна возглавила окружную избирательную комиссию на сложнейшей по национальному составу территории — от ГИСХа до района Турбазы включительно. Само ее присутствие вдохновляло участников национально-освободительного движения, привлекало множество других женщин. Марина Эшба прожила очень энергичную жизнь. Её ценили не за заслуги отца, хотя и это можно было учитывать, но главное — за её личный вклад в развитие культуры нашей республики.

В Гудаутском районе М. Эшба подарили коня

При этом Марина была очень скромна. Помню, что когда я как председатель комиссии по созданию объектов монументального искусства приезжал в село Лыхны, на место установки мемориала воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, то заставал Марину — автора комплекса — с налетом цемента на одежде. И ноги ее утопали в цементном растворе и деревенской грязи. Она трудилась вместе с рабочими.

Комплекс в Лыхны был установлен после того, как грандиозный мемориальный комплекс появился в центре Гудауты. Гудаутский комплекс — из числа серьезнейших монументальных работ Марины Эшба. В 1984 году Марина Эшба становится лауреатом премии имени Д.И. Гулиа в области искусства.

Но наиболее значимой, с моей точки зрения, является работа Марины Эшба «Ефрем Эшба», памятник, установленный в Сухуме. И хотя Марине выпало недолго расти рядом с отцом, памятник тем не менее передает и внешние черты, и силу характера этого человека.

Марина Эшба была заслуженным деятелем искусств Грузинской ССР. А в то время получить такое звание абхазским художникам было непросто. В Тбилиси работали сотни скульпторов, многие из них получали звания «Заслуженный художник Грузинской ССР», «Заслуженный деятель искусств Грузинской ССР», а представители Абхазии подобных званий удостаивались редко. За особо выдающиеся заслуги.

Заслуженным художником Грузинской ССР была и Ольга Брендель. Помню, как впервые оказался в доме художницы на Каштаке. Отправились мы вместе с Сергеем Габелия, накупили фруктов, вина. Встречали нас верные подруги — хозяйка дома и Марина.

Как раз созревал виноград, нас проводили в беседку. Ольга Брендель славилась как хлебосольная хозяйка. Нас угощали за прекрасным мозаичным столом, выложенным осколками керамической плитки.

Вино, которое мы принесли с собой, открыть так и не довелось. Ольга достала собственное вино из подвала. И хотя было лето, и к этому времени абхазское вино обычно портится, вино из собственного винограда, сделанное Ольгой Брендель, было на удивление вкусным.

Мы разговаривали, потом прошли в дом, где хозяйка показала нам свои живописные работы. Что уж тут скрывать, мы были потрясены.

К сожалению, молодое поколение, в том числе и поколение молодых художников, имеет смутное представление — и о самой Марине Эшба, и об Ольге Брендель. Такие люди, как Варвара Бубнова, Марина Эшба, Ольга Брендель, очень много сделали и для популяризации искусства Абхазии, и — более того — для становления Республики Абхазия как независимого государства.

Необходимо увековечить память о Марине Эшба и решить вопрос о создании памятника этому выдающемуся художнику и скульптору.

Марина Эшба умерла в 2002 году. Прошло много лет со времени ее кончины. Но до сих пор я не могу представить, что ее нет среди нас».

Записано в 2018 году.

Боль утраты

Стихотворение, написанное соседями в связи со смертью Марины Эшба

Очень страдаем.
Умерла Марина Ефремовна.
Ушла из жизни совсем несвоевременно.
Злая судьба горькое сделала —
Многое осталось ещё недоделанным.

Мы её боготворили.
Руки у неё талантливые были —
Много прекрасного сотворили;
А о делах скульптуры «говорили».

Это была личность, каких мало.
Жизнь её достойна пьедестала —
Чтобы республика своих героев знала
И никогда о них не забывала.

Женщиной была милой и трудолюбивой,
А её работа была красивой,
Личностью незаурядной и честной.
С душой мягкой и прелестной.

Мы, соседи, скорбим о потере —
Живой бы видеть её хотели.
Женщину талантливую и сильную духом.
Пусть земля ей будет мягким
Пухом.[1]

Жители 2 подъезда дома № 27 в Синопе,

г. Сухум.

В московской квартире сестры Лизы

[1] «Нужная газета». 2002.05.21.

За столом в саду семьи Брендель

Борис Войцеховский, московский журналист о детстве в Абхазии

Со скульптором Мариной Эшба всё не просто. Марина, говорят, была Человечищем, но мне тут сказать совершенно нечего. Я тут, извините, немного не в теме, потому что в те времена специализировался на другом. Например, на мамалыге.

Марина Эшба готовила великую мамалыгу. Как раз такую, как я люблю. В меру густую. Без меры ароматную. С копченым сыром. И потом — вот это была настоящая песня! — на тарелочке выносилась хрустящая корочка от этой самой мамалыги, достававшаяся тем, кто ещё не разошёлся по домам. А я любил оставаться до конца.

Ещё помню торт. Большой торт. Вы, конечно, печете красиво, но вы — печете. А Марина Эшба — творила.

Значит так (это чтобы вам было легче представлять), квартира в Синопе и огромный балкон с камином и столом, за которым собрались гости, и страшный двуязычный гвалт, потому что юбилей у мужа Марины, и я уже совершенно не хочу есть, потому что слопал две порции мамалыги и мне немного скучно, потому что мне лет восемь, а на улице солнце и совсем недалеко море, но меня не пускают одного, и хожу туда-сюда, из комнаты в комнату, из кухни на балкон, с балкона на кухню. Я фланирую по этому маршруту уже десятки раз, пока — раз! Резко останавливаюсь… Я вижу торт. Огромный торт. Прекрасно пахнущий торт диаметром около полуметра, на поверхности которого Марина Эшба изюмом мастерски выложила профиль своего супруга. Ягодка к ягодке, ягодка к ягодке.

Я взял один изюм. И съел. Я подумал, что ведь никто не заметит, если я съем каждую четвёртую изюминку. И каждую третью. И каждую вторую… И…В общем, вы все поняли.

Мне было скучно. А потом стало хорошо. А потом кто-то из женщин вынес торт гостям. А потом…

Больше всех, кстати, веселился юбиляр. И Марина веселилась. А мне, признаться, было стыдно. И особенно от того, что бабушке пришлось за меня покраснеть.

Теперь все эти истории вспоминаются с улыбкой, в которой, кажется, всё же больше грусти. Марины нет уже более десяти лет, нет в живых и ее сестры Лизы, нет мужа Марины — строгого внешне и добрейшего сердцем юбиляра. Нет бабушки и многих-многих других. То время ушло как-то слишком уж безвозвратно. Чёрт с ним, с изюмом! Но где бы ещё поесть такой мамалыги…

2011 год.

Виктор Абрамян–Эшба (племянник Марины Эшба):

В самом начале августа 2017 года произошло событие, по московским меркам не столь значительное, но для меня, племянника Марины Эшба, значительное очень. Да и для Абхазии, думаю, тоже. На Новодевичьем кладбище, главном кладбище Москвы, на могиле писателя Фазиля Искандера был открыт памятник, созданный на основе скульптуры, выполненной Мариной Эшба много лет назад.

Об этом сообщали многие популярные российские, московские и зарубежные газеты.

Вероятно, родные и близкие писателя выбрали этот бюст работы Марины, уже давно ушедшей от нас, как наиболее точно передающий характер и личность писателя.

Марина всегда была для меня выдающейся, значительной личностью. Она открыла для меня изобразительное искусство, привила любовь к французским импрессионистам, которых очень любила сама.

Она привела меня в Музей изобразительных искусств им. А .С. Пушкина, в котором была выставлена коллекция работ импрессионистов, а также выдающиеся образцы эпохи Возрождения и Античности. И всё это, и еще коллекция альбомов об искусстве, собранная у неё дома, в большой степени повлияли на формирование моего художественного и артистического мировоззрения.

Атмосфера честности, бескомпромиссности в искусстве и общественной жизни всегда присутствовала в её доме, отражалась в ее облике и поведении. В этом она была схожа со своей ближайшей подругой, выдающейся художницей Ольгой Брендель, в доме которой мне часто приходилось бывать и отдыхать.

Марина как никто поддерживала мой выбор профессии музыканта, верила в меня, но в то же время проявляла требовательность.

Один из первых в моей музыкальной жизни концерт в сопровождении симфонического оркестра состоялся в Сухумской филармонии благодаря поддержке и энергии Марины.

Елизавета Эшба

Её вклад в развитие культуры Абхазии (да и не только Абхазии) не оценим.

Марину Эшба помнят и чтят в республике. Ее собственные скульптурные работы, а также работы молодых художников и скульпторов, которых она всячески поддерживала и продвигала, и сегодня украшают города и села Абхазии. Присущая ей черта — всячески поддерживать молодых и талантливых — уверен, тоже повлияла на мою увлечённость педагогикой, хотя она и не была педагогом, но у нее хватало терпения и сил работать с молодыми, помогать им.

Она была очень яркой личностью в жизни и в искусстве. Активно занималась общественной деятельностью. Была из числа первых общественных деятелей, открыто выступивших за государственную независимость Абхазии, как мечтал её отец Ефрем Эшба.

Памятник Ефрему Эшба работы Марины украшает один из центральных уголков Сухума. Ее свободолюбивые взгляды, поддержка национально-освободительного движения

за независимость Абхазии тем более ценны, поскольку воспитывалась она в многонациональной семье, её мать и моя бабушка была наполовину грузинкой, наполовину русской.

Но жизнь в Абхазии, значительная фигура отца, борца за независимость Абхазии от Грузии, сыграла в мировоззрении Марины решающую роль.

Марина обладала поистине мужским характером, в вопросах чести всегда была бескомпромиссной, решительной, волевой. В ней это сочеталось с потрясающим человеческим обаянием и красотой. Она всегда, даже до последних дней, была неотразима внешне. Её отличали доброта и безусловная любовь к близким, и искренность. Она была не способна говорить неправду, была эмоциональна, с жаром отстаивала свою позицию. На неё никто не обижался, т.к. было очевидно всем, что она всегда говорит от чистого сердца, без всяких затаенных мыслей и недомолвок. И, кроме того, она пользовалась величайшим авторитетом и уважением в республике. К ней прислушивались все — от государственных деятелей советских времён до молодой поросли реформаторов и борцов за независимость Абхазии.

Елизавета Эшба с супругом Абреком Абрамяном

Воспоминания о создании мозаичного панно для пионерского лагеря в Гантиади

В один из жарких летних месяцев в начале 70-х годов две подруги — Марина Эшба и Оля Брендель — готовились выполнить большой заказ: им предстояло создать огромное мозаичное панно. Был готов эскиз панно в натуральную величину. Потом его необходимо было разрезать на прямоугольные фрагменты размером 1,5×1,5 м, чтобы выкладывать по ним разноцветную плитку. Конечно, двум женщинам это было не по силам, да к тому же и сроки поджимали. В дело включилась вся семья и друзья, отдыхающие в доме Ольги Брендель на Каштаке. А это были мы: моя мама, Елизавета Ефремовна, младшая сестра Марины, первый муж Марины Тариэл Аршба, их сын и мой двоюродный брат Володя и я.

Работа кипела, плитка выкладывалась соответственно рисунку. Но внезапно стало понятно, что не хватает плитки красного цвета! Что делать?!

Решение пришло мгновенно: когда-то мой отец работал инженером на керамическом заводе и у него остались там кое-какие связи. В то время как мы отдыхали у Ольги Брендель на Каштаке с мамой, он оставался в Москве. Была срочно налажена телефонная связь с Москвой, и через несколько дней мы встречали поезд из Москвы с мешком алой с разводами керамической плитки гораздо большего размера и толщины, чем требовалось. Но тем не менее мозаичное панно было спасено!

Антонина Хлебникова–Искандер

(отрывок из интервью журналисту газеты «Республика Абхазия» Юлии Соловьевой):

Хоть Фазиль Абдулович вопреки легендам никогда не работал в газете «Советская Абхазия», заходил в редакцию часто. У него там работали друзья и даже родственник — Тариэл Аршба, который в то время был женат на старшей дочери Ефрема Эшба Марине. Марина Эшба — пожалуй, единственный художник, а, точнее, скульптор, которому Фазиль согласился позировать. И она проявила себя не только как талантливый художник, но и дипломат своего рода: она так умело направляла разговор во время «сеансов», что Фазиль чувствовал себя легко и раскованно. Потому, наверное, бюст получился удачным. Именно об этой работе Марины Эшба я вспомнила уже после ухода Фазиля Абдуловича, когда близилась годовщина со дня его смерти и надо было решать вопрос с памятником. Кто-то буквально толкнул меня ночью, и я вспомнила и те прекрасные дни нашего общения в Абхазии, и как понравилась самому Фазилю работа Марины. Мы обсудили этот вариант в Министерстве культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия, родные Марины отыскали бюст Фазиля, выполненный Мариной. Он был вылеплен из гипса, но прекрасно сохранился, мастера из Москвы отправились в Сухум, отформовали его и по возвращении в Москву отлили в бронзе.

Газета «Республика Абхазия»,
№ 24 от 13 марта 2019 года.

Даруя талант, Бог не выбирает,
кому он его дает, —
мужчине или женщине...

Как незнакомка становится другом

Апрель 1960 года

Помню момент перед очередной выставкой. Художники, как обычно, развешивают картины и расставляют скульптуры в Центральном выставочном зале.

Я в тот день была со своей мамой, помогала ей. Казалось, нет художника в Абхазии, который был бы мне незнаком. Но вдруг мой взгляд отмечает среди присутствующих неизвестную — очень интересную, но все-таки уж чересчур строгую женщину.

Маленькую девочку, какой я была в 1960 году, даже несколько испугала суровость ее взгляда. Но в то же время этот взгляд манил, а не отталкивал. Такой я впервые увидела Марину Эшба.

Я стала наблюдать за незнакомкой. Вот она подошла к моей матери, которая как раз закрепила на стене последнюю работу и отошла подальше, чтобы убедиться, что картина разместилась на стене ровно.

Когда я увидела, что строгая женщина дружески говорит что-то моей маме, недоверие мгновенно исчезло. Если человек общается с моей мамой, значит, он наш друг.

Именно на этой выставке была представлена одна из лучших работ Марины Эшба — скульптурный портрет Ясона Ажиба, но тогда я не обратила на него внимания. Но позже, когда я стала бывать в мастерской Марины, я узнавала эту работу, она размещалась высоко, на одной из верхних полок. Работа была очень схожа с оригиналом.

С тех самых пор мама стала достаточно часто общаться с Мариной Эшба. Поначалу это были лишь встречи в Худфонде, куда художники нередко приходили в надежде получить заказ на выполнение творческой работы, за которую выплачивался гонорар. Для большинства гонорары служили единственным источником дохода.

Наше семейство с 1935 года живет в пригороде Сухума, на Каштаке. Я и сегодня живу в том же самом достаточно экзотическом месте — на берегу моря, недалеко от Великой Абхазской стены.

У нас всегда бывало и бывает много гостей, особенно летом и осенью. Мама пригласила Марину Эшба посетить нашу усадьбу у моря — познакомиться со всем семейством.

И вот под вечер еще на старой «Волге» приехала к нам тетя Марина с супругом Тариэлом Аршба и сыном Володей.

Состоялось знакомство четы Эшба–Аршба с моими родителями Бренделем–Войцеховскими, с папой и мамой, а, главное, с моим дедушкой, Владимиром Николаевичем Бренделем — отцом будущей подруги Марины Эшба.

Ольга Брендель с отцом

Сидели за столом на старых дореволюционных стульях, привезенных из старинного имения Брендель. Для старших беседа, наверное, была интересной, а меня-то она не вдохновляла. Ведь многое из того, что рассказывал мой дедушка о нашем семействе, о появлении Брендель в Абхазии, мне было известно. Я не раз уже все это слышала. Но во время разговора я могла незаметно разглядывать главную гостью нашего дома — тетю Марину.

Я обратила внимание, что строгим у нее был не только взгляд, но и прическа — собранные сзади в тугой пучок волосы. Волосы чёрные, прямые. На лице не было никакого макияжа. Я обратила на это особое внимание, поскольку моя мама никогда не красилась: все составляющие ее лица были естественными.

И хотя Марина смотрела на всех и на все очень строго и пронизывала каждого взглядом, глаза ее были теплыми, ласкающими.

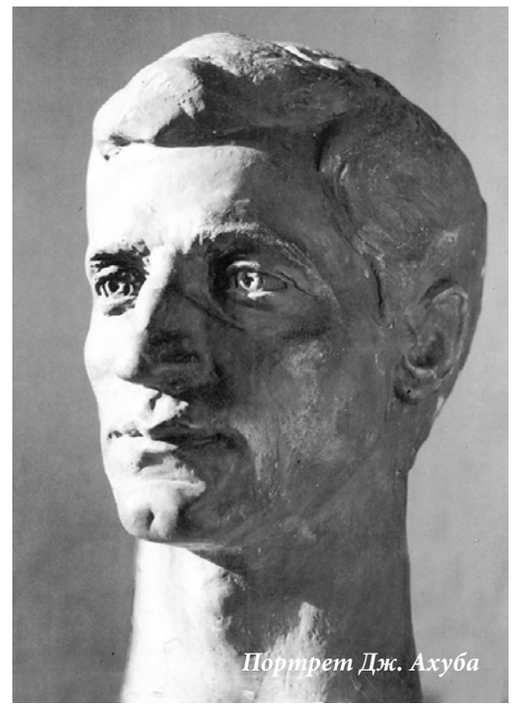
Познакомившись со всем семейством, Марина стала часто бывать у нас. Общалась она не только с Ольгой-старшей, но и со всеми нами.

Марина и моя мама, Ольга-старшая, очень быстро из коллег превратились в подруг. И дружба их всё больше крепла.

Шло время. Подрастал сын Марины Володя. Вскоре мы познакомились и с мамой Марины Марией Владимировной, сестрой Лизой и ее супругом Абреком Ашотовичем Абрамяном, племянником Марины Виктором.

Возглавив Союз художников Абхазии, Марина Эшба стала много времени уделять коллегам. Хоть и несколько сложный, но сильный и своеобразный характер помогал ей в общении с молодыми художниками.

Но как только она оказывалась в кругу семьи или среди друзей, лед в ее взгляде мгновенно таял. Мы с мамой и папой тоже стали часто бывать у Марины Ефремовны. В её квартире было уютно, а меня особенно привлекал открытый балкон, оплетенный виноградными лозами, и на этом балконе в зной можно было спрятаться за живыми зелеными стенами. Особая аура царила в этом мире.


Портрет Дж. Ахуба

В доме всегда накрывали обильные столы, и я любила сиживать за ними, уютно расположившись на диване. И именно в этом доме я впервые увидела нарды.

Марина была хлебосольной хозяйкой и любила готовить. С большим вдохновением готовила национальные блюда.

В начале 60-х годов в гостях у Марины и Тариэла часто бывал писатель Джума Ахуба. Помню, вот мы познакомились с ним и нас всех вместе приглашают за стол. Среди представленных блюд был мясной соус и нарезанный сулугуни, но я заметила, что есть и еще нечто незнакомое мне. Как я потом узнала, это была мамалыга. Марина обратилась к нам, сказала, чтобы мы положили в мамалыгу кусочки сыра и показала, как вилкой «отламывать» понемногу и окунать в соус.

Все присутствующие приступили к еде, а я стала наблюдать за новым гостем, за Джумой Ахуба. Он не пользовался вилкой, как все остальные, а тремя пальцами (большим, указательным и средним) очень изящно брал кусочек мамалыги, окунал его в соус и затем отправлял в рот.

Это был для меня первый главный урок поедания мамалыги. Мне она очень понравилась. Понравилась и моим родителям.

В следующий раз Марина во время приготовления мамалыги позвала на кухню и мою маму, и Ольга-старшая получила практический урок приготовления вкуснейшего абхазского хлеба (так называют мамалыгу). В результате и в меню нашего дома появилась главная составляющая абхазской кухни.

Меня мама с детства учила жить по законам абхазского народа. «Мы живём в Абхазии и должны воспринимать всё, что характерно для абхазов», — очень часто говорила она мне.

Бывая у Марины, мы непременно заглядывали в ее мастерскую рядом с домом и в гараж, где дядя Тариэл оставлял свою машину.

Марина, показывая маме новые работы, просила оценить их объективно. Я это хорошо помню. Они обе никогда не кривили душой. Да и не нужно было ничего приукрашивать. У Марины был большой, как говорили многие, неженский талант. Немного обидно было слышать такие слова. Ведь Бог, даруя талант, не выбирает, кому он его дает, — мужчине или женщине…

Несмотря на свою внешнюю строгость, Марина легко вступала в контакт с людьми. На моих глазах состоялось ее знакомство с великой Варварой Бубновой. Ведь работа Марины на посту председателя Союза художников Абхазии пришлась как раз на время, когда в составе творческого союза была и Варвара Дмитриевна.

С педагогом Белашовой Е.

Конечно, Марина сразу же обратила внимание на ее произведения и хотела познакомиться с автором поближе. Моя мама предложила Марине сходить в гости к сестрам Бубновым, поскольку уже была знакома с Варварой Дмитриевной довольно близко. Что же касается меня, то и Варвара Бубнова, и ее сестра Анна казались мне лишь милыми старушками.

В 60-х годах Бубновы жили в доме на Красном мосту, а точнее, на полукруге основной трассы, там, где она спускается к месту, где когда-то был маленький рынок.

И вот мы отправились… Нас с радушием приняли. Конечно, были угощения, и за столом текла беседа. Сестры рассказывали о своей жизни в Японии, о творчестве, расспрашивали и Марину о ее работе.

Варвара Дмитриевна завела речь о маринах моей мамы, Ольги Брендель-старшей, и высоко их оценила. Заводя разговор на тему изобразительного искусства Абхазии, каждый подчеркивал творческий потенциал сидящих рядом коллег.

Многое из того, о чем говорили во время того чаепития, я уже не раз слышала, и потому стала разглядывать обстановку.

На стенах были развешаны работы хозяйки. Повсюду в вазах стояли цветы, словно ожидая, когда художник перенесет их на бумагу. Громадные комоды, шкафы и обилие книг.

Ещё накануне нашего визита к сестрам Бубновым мама рассказала Марине, что вместо обычных европейских приборов они за обедом пользуются палочками. Когда мы сели за стол, то сразу заметили возле тарелок Варвары Дмитриевны и Анны Дмитриевны деревянные тонкие красные палочки. Как только хозяева приступили к еде, мы были поражены, с какой ловкостью они ими пользовались! Этот момент до сих пор остался в моей памяти.

Марине не терпелось увидеть графические работы Варвары Дмитриевны и, конечно, она обратилась к ней с просьбой показать их. Как профессионал Марина сразу отметила, насколько они прекрасны.

Было очевидно, что Марина Ефремовна и Варвара Дмитриевна по-

нравились друг другу. И у них обеих сразу возникло желание — у Марины — создать скульптурный портрет Варвары Дмитриевны, а у Варвары Дмитриевны — написать свою молодую коллегу—скульптора. Спустя время В. Д. Бубнова преподнесла Марине в качестве подарка «Портрет М.Э.» и «Портрет Т.А.».

С Варварой Бубновой

Портреты получились превосходными, и они, безусловно, украсили стены в квартире Марины и Тариэла на улице Чочуа.

Мало того, что портрет Тариэла Аршба отличался потрясающим сходством, это было, без преувеличения, замечательное произведение искусства. Приковывали внимание глаза, полные трагизма и некой неудовлетворенности, красивые черные широкие брови.

В портрете Марины Варваре Дмитриевне удалось передать ее удивительную глубину, которую та прятала под внешней строгостью. Не все друзья и даже случайные гости Марины были готовы согласиться с автором портрета. Приходящий к Марине человек сначала видел радостную хозяйку, со счастливым лицом встречающую его на пороге, а потом проходил в комнаты и видел суровое лицо на портрете, лицо, на котором, казалось, вообще не появляется улыбка.

Современным молодым трудно представить, что в 60-е годы обычному советскому человеку было непросто выехать за пределы Родины, чтобы отдохнуть и увидеть, как живут в других странах.

А вот Марине Эшба — она председатель Союза художников Абхазии — такая возможность предоставилась, и она предлагает Ольге Брендель совершить поездку в Болгарию и Румынию, и причем — поездку на машинах.

В группе туристов, насчитывающей более 10 человек, был председатель КГБ республики Лев Галустов. На некоторых сухумчан, которые еще не забыли репрессий во времена Сталина и Берия, присутствие в группе представителя КГБ действовало раздражающе. Но ни Марина с Тариэлом, ни моя мама от путевок не отказываются. Мама ехала в машине с Мариной, за рулём был Тариэл.

Время, проведённое в поездке, для Ольги-старшей не прошло даром. Она смогла не только отдохнуть, но и увидеть много интересного, впечатлиться особенностями природы и жизни в Румынии и Болгарии, написала несколько этюдов, которые до сих пор я с любовью храню.

В той же группе туристов вместе с четой Галустовых (его супруга филолог Марсель Львовна Штерн) был еще и известный физик Рачия Арамович Демирханов, один из руководителей Сухумского физико-технического института, лауреат Сталинской премии за научные разработки. Несмотря

на то что туристы были такими разными по роду деятельности и интересам, поездка прошла великолепно. Вечера проходили в интереснейших дискуссиях, участники группы с юмором и весело делились впечатлениями. Неудивительно, что, возвратившись, они продолжают общаться и даже решили вместе встретить Новый 1963 год.

Две Ольги, Евгений Войцеховский и дедушка Владимир Николаевич

Новогодний банкет решили устроить на квартире Льва Галустова в Синопе. Все участники тургруппы были приглашены с семьями. Так что вместе с мамой в гости отправились и мы с папой.

Со старшим сыном Л. Галустова Юрой я училась в одном классе. Кроме того, мы занимались английским у одного преподавателя английского языка — у Валентины Скультэ, автора популярного даже сегодня учебника.

Переступая порог квартиры, каждый гость восхищенно восклицал: «Ах!!!» И не только из-за масштабов квартиры (у Галустовых было четыре громадные комнаты, очень высокие потолки и огромный коридор. Этот дом был построен пленными из Германии для ведущих специалистов Сухумского физико-технического института), но и потому, что дом усилиями Марсель Львовны был обставлен даже в те весьма скромные времена с большим вкусом.

В квартире напротив жила семья Рачия Демирханова, который в тот период был заместителем директора СФТИ по науке. И, конечно же, среди собравшихся была моя любимая Марина Эшба и Тариэл Аршба. Одним словом, настроение у всех было прекрасное: изобилие вкуснейшей еды, вина и музыки.

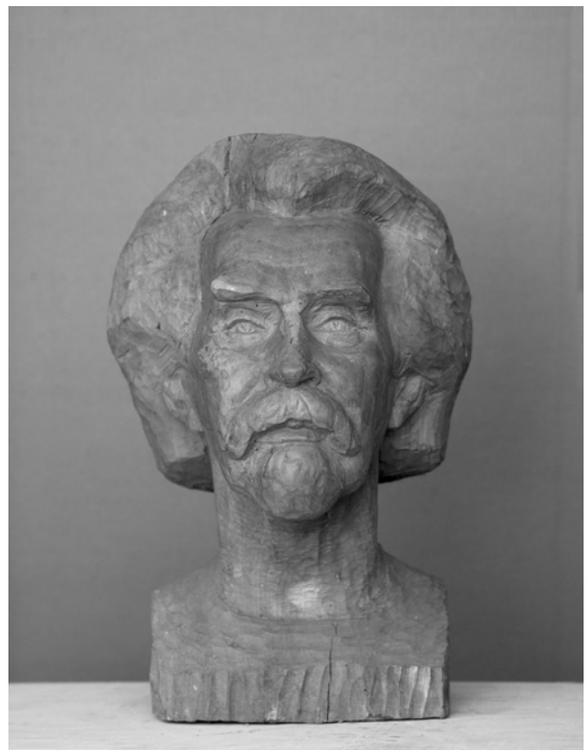
Мы с дочерью Демирханова Кариной и Юрой и Сережей Галустовыми проводили время отдельно от взрослых: мы играли, слушали музыку. Накрытый специально для нас стол ломился от разных блюд, сладких пирогов и тортов.

Продолжала играть музыка… И вот настал момент, когда мужчины стали приглашать женщин танцевать. Мои родители оказались среди первых танцующих пар. Их примеру последовали и другие. Марина Эшба продолжала беседовать с кем-то из старших, сидя за столом. Я внимательно наблюдала за ней, и в какой-то момент мне показалось, что и она тоже не прочь присоединиться к танцующим, что ей грустно и одиноко. Наверное, то же самое почувствовала и моя мама. Буквально через мгновенье мой отец, с которым она все еще оставалась на «вы», галантно подошел к Марине и пригласил ее на танец. А это было танго.

Приглашенная живо откликнулась на предложение, и вихрь танца подхватил их. Уууx!!!

Я впервые видела, как грациозно танцует Марина. И танго она танцевала прекрасно, и красиво кружилась в вальсе. Я смотрела на нее с восхищением. С тех пор я воспринимаю женское искусство танцевать как одно из наиболее значимых женских достоинств. Тогда я по-новому открыла для себя Марину. Ту встречу Нового 1963 года, я уверена, помнят все.

Три портрета



Поймала себя на мысли, что, всматриваясь в тот или иной портрет, мы почти никогда не задумывается, почему художник выбрал именно этого человека. Что вдохновило его выплеснуть чувства на холст или запечатлеть в податливой глине?

Однажды я стала свидетелем, как это происходит. И поскольку в тот раз вдохновителем был мой дед Владимир Николаевич Брендель, и вдохновил он двух неразлучных подружек, мне захотелось поделиться этой историей.

Владимиру Николаевичу в то время был 81 год. У него была весьма колоритная внешность: копна густых седых волос, широкие усы и борода. Но главное — пенсне, голубые выразительные глаза, которые и очаровывали собеседника.

С ним было интересно общаться каждому. И беседы, в которых он доминировал, зачаровывали: он был сведущ практически во всех областях жизни. Помню, что мама и Марина одновременно загорелись создать портрет деда, когда с этим предложением к нему обратился довольно известный художник-любитель Николай Бердников. По основной профессии Бердников был врачом и работал в санатории МВО. Мама называла его Борода.

Николай Бердников усадил Владимира Николаевича на открытой веранде, и все три художника приступили к созданию СВОЕГО образа.

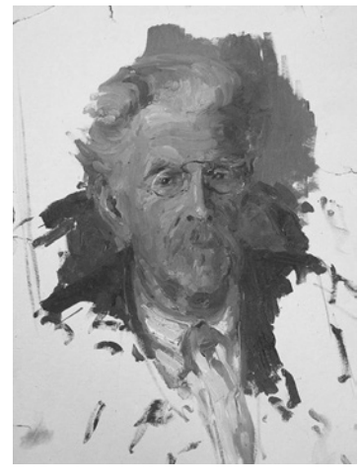
Работа была непростая. Дедушке пришлось выдержать несколько сеансов, хоть и непродолжительных, все-таки он был не молод. При этом контакты художников с моделью проходили в тишине. Каждый был занят воплощением образа со своей точки зрения. Закончив очередной сеанс, мы садились под огромными дубами, пили чай и любовались обилием цветов в саду.

Любимым занятием Владимира Николаевича было выращивать разные растения и особенно цветы. День он начинал с обхода сада, говоря «доброе утро» своим любимым левкоям.

О распустившихся цветах, их красоте, неординарности, привлекатель-

ности Владимир Николаевич очень часто рассказывал Марине. Конечно, они обсуждали и многие другие вопросы, делились идеями. Именно эти простые разговоры о красоте мира, о чувствах, способность замечать тончайшие нюансы сближали маму, дедушку и Марину.

Что же касается портретов дедушки Владимира Николаевича, то очевидно, что подруга-скульптор словно подтолкнула подругу-живописца, и маме удалось создать замечательный образ своего отца. Созданный в период, когда О. Брендель работала в реалистической манере (1963 г.), он до сих пор восхищает. Что же касается работы скульптора, то хоть портрет и получился похожим, в нем все-таки не хватает «изюминки», чтобы он «зазвучал» в полную силу.



О. Брендель. Портрет отца

Как я была моделью и исследователем

Поскольку я с раннего детства бывала свидетелем творческих мук Марины Эшба, то мое восприятие ее работ, безусловно, отличается от того, как их чувствовали другие.

В 1963 году, когда я перешла во второй класс, Марина решила сотворить мой портрет в глине. Так я пришла в мастерскую в качестве ее юной натурщицы.

Помню, как меня сажают на стул, который стоит на высоком основании. И заклинают сидеть смирно, не двигаться и не разговаривать.

И что же мне оставалось делать?

И вот, стараясь не двигать головой, я начинаю рассматривать, что там на полках, расположенных высоко от пола. С одной стороны, прямо под полками, стоял диван, который так и манил меня к себе. Но я строго повиновалась указам тети Марины и боялась не только двинуться с места, но и повернуть голову даже чуть-чуть.

На полках были расставлены произведения хозяйки мастерской. Ближе всех ко мне находилась голова старой женщины, выполненная в глине, «Мамида». Мне она очень понравилась. В первую очередь я отметила, как красиво лежал длинный платок, надетый скульптором на голову женщины. Он легко ниспадал, и в то же время я прямо ощущала, как туго он охватывал лоб. Ниспадающая часть платка казалась воздушной, а ведь это была скульптура.

Время шло… Мне приходилось все так же сидеть неподвижно и продолжать изучать представленные творения.

Как я узнала позже, скульптор добилась в портрете большого сходства с живой Мамидой — сестрой Ефрема Эшба. Марина хорошо знала Мамиду и сумела пропустить через себя основные ее черты, передать ее тревожное состояние, заботы, тенью лежащие на челе. Образ реалистический, прочувствованный, несущий истинные чувства живого человека. Каждому, кто видит этот портрет, кажется, что Мамида вот-вот поднимет глаза и произнесет что-то важное для окружающих. Автор подчеркнула тем самым, что каким бы страшным ни было горе, постигшее старую женщину, оно не сломило ее. В ней осталась сила, и она будет жить и дальше.

За вечерним чаем

Конечно, в свои 7–8 лет я не могла анализировать и оценивать скульптурные произведения. Но образ Мамиды до сих пор остается у меня в памяти таким, каким я его увидела в первый раз и — несомненно, это одно из лучших произведений М. Эшба.

Сеансов у меня с Мариной было много, и каждый раз я продолжала начатое дело — осмотр произведений. В числе наиболее близких к моему пьедесталу стояла гипсовая голова Татьяны Гулиа. Гипс, конечно, не полностью вобрал в себя теплоту рук ваятеля, которую она отдала созданному образу. В этом портрете читается индивидуальность героини, ее достаточно твердый характер. Обо всем этом говорят глаза Татьяны. Ее взор и сосредоточенность позволяют зрителю угадать в натуре женщину глубокомысленную и одухотворенную.

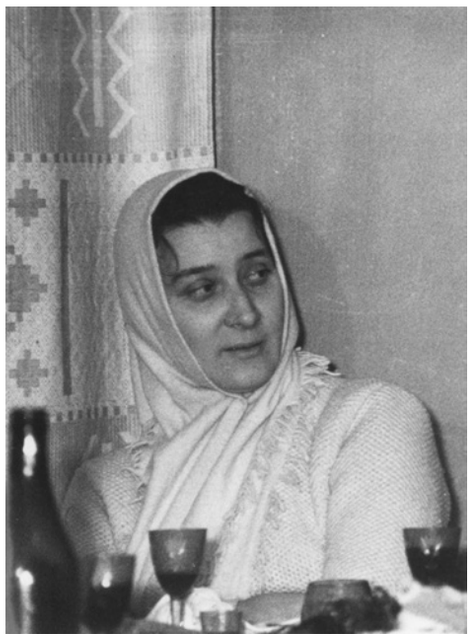
Не обошла я вниманием и бюст Фазиля Искандера. Композиционно писатель был посажен прямо (фас), левая рука согнута и опирается на плоскость. Высоко поднятые над прекрасным лбом волосы, глубоко посаженные глаза. Марине все удалось в этом портрете: и выражение лица, и устремленные в даль глаза, и серьезный и даже строгий взгляд.

Национальная рубашка не облегает тело, а свободно ниспадает складками. Когда бы я ни смотрела на этот портрет, я всегда чувствую дыхание тела.

Стояла на той же полке и голова Ясона Ажиба (гипс), поражающая жизнеутверждающей схожестью с натурой. Скульптор точно выразила психологический настрой этого человека.

Того же эффекта Марина добилась и при создании портрета Джумы Ахуба.

Изучая полки, я поняла, что работы, выполненные в глине, мне нравятся больше, чем гипсовые, то чувство сохранилось у меня навсегда. И это, по



всей видимости, связано с тем, что первое прикосновение к натуре скульптор осуществляет, работая именно глиной. Следовательно, этому материалу соответствует большая отдача творческого «я» ваятеля. Глину легче согреть, она более податливая, более живая и мне даже кажется, так и хранит отданное ей тепло и вдохновение.

Все эти портреты были созданы М. Эшба в 60-е годы прошлого века.

Считаю важным еще раз подчеркнуть, что М. Эшба училась советской реалистической скульптуре у выдающегося советского скульптора Е. Белашовой, а вернувшись в Абхазию из Москвы очень быстро восприняла тип, характер, психологию родного народа и гениально передавала все это в скульптуре.

Вот как оценивают ее станковые портреты в 1962 году: «Они обращают на себя внимание тем, что при сохранении индивидуальных черт оригинала в каждом из них создан обобщающий, типический образ современника; показ случайных деталей отступает перед основной задачей — раскрытием внутреннего мира, психологической характеристикой образа»[1].

Несколько позже к этим портретам добавляются и новые — режиссера Нелли Эшба и репрессированного поэта Шалвы Цвижба.

Безусловно, на протяжении всего творческого пути Марине Эшба не изменяет ее дар создавать глубоко выразительные типические образы представителей своего народа.

---

[1] **Л. Шервашидзе.** Современник ждёт // Советская Абхазия. 1962.05.16.

Мои новые знакомства и первые «университеты»

Вернисаж — это особое событие для всех, кто приходит познакомиться с выставленными работами, будь то выставка одного автора или нескольких. Посетители открывают для себя творческое «я» представленных художников, а сами художники ждут эмоций публики, и чем тоньше уровень восприятия, тем больше получает от публики художник.

В дни открытия выставок Марина Эшба как председатель Союза художников волновалась во сто крат больше, чем сами художники, чьи работы были представлены в экспозиции. Она непосредственно принимала участие в компоновке отобранных выставкомом работ в единую, стройную экспозицию. Ведь развесить десятки картин и этюдов, расставить скульптуры и выделить место для работ декоративно-прикладного искусства — очень сложный процесс, к тому же требующий особых знаний.

Но самыми ответственными были минуты перед началом вернисажа, и М. Эшба всегда была занята.

Как правило, на выставки собиралось много посетителей, и не всегда председатель Союза сразу могла заметить появление представителей правительства и, в первую очередь, министра культуры Алексея Аргуна.

Поскольку не было случая, чтобы я пропустила хоть одну выставку и не пришла с мамой на вернисаж, Марина Ефремовна поручила мне внимательно следить за приходом посетителей и, как только порог зала переступит министр или его заместители, тут же дать знать ей об этом.

Все годы, пока М. Эшба была председателем Союза художников, вступительное слово, обращение к собравшимся, принадлежало ей. Как только я сообщала Марине необходимую весть, почти сразу же все посетители зала и сами художники становились полукругом и выставку объявляли открытой. Выступала не только Марина Эшба как председатель и министр, но и многие другие — все отмечали достоинства представленных в экспозиции работ.

Постоянными посетителями вернисажей были сотрудники АбИЯЛИ им. Д. И. Гулиа. И благодаря Марине, её просьбе, я с детства визуально знала почти всех научных и творческих работников в лицо.

Какая бы выставка ни открывалась в Выставочном зале СХ, непременно присутствовали ученые М. Хашба, Л. Чкадуа, Р. Хашба, Т. Шакрыл, Б. Сагария и Ш. Д. Инал-Ипа. Очень часто к этой группе присоединялась и его жена М. Хотелашвили. Их появление в зале всегда группой, какое-то особое единство вызывали уверенность, что коллектив института сплочен и монолитен.

У Марины Эшба наше семейство познакомилось с Георгием Колбая (Тариэл Аршба дружил с этим человеком). Мне было не более десяти лет, а этого мужчину я сразу особо выделила среди присутствующих.

У Марины за столом, как правило, велись очень интересные разговоры, касающиеся политики, искусства, жизни Абхазии и ее столицы. Достаточно понятно, интересно и занимательно даже для меня рассказывал Жора Колбая о событиях, интересующих в то время интеллигенцию Абхазии.

Марина Эшба и Тариэл Аршба

Одет он был так, что от него было невозможно отвести глаз, говорил достаточно громко, и тембр его голоса завораживал слушателей.

Сам Г. Колбая обратил внимание: «Как девочка внимательно слушает!» А ведь это были рассуждения взрослых о современной жизни в Абхазии: речь шла о важных задачах, которые необходимо было решать абхазскому народу. А я одухотворялась его повествованием и находилась под впечатлением его личности. Г. Колбая запомнился мне в те годы как человек, заражающий окружающих своей позитивной созидательной энергией, и я тоже попала под воздействие его яркой ауры.

Марине встречи с Г. Колбая дали возможность в большей степени прочувствовать глубину задач, стоящих перед абхазским народом в середине 60-х годов. Осознав их, она стала больше посвящать себя общественной деятельности. Она лично сделала немало, чтобы поднять статус людей абхазской национальности. Она вообще всегда делала все от нее зависящее для представителей своего народа — и как председатель творческого Союза, и просто как человек.

Увидев, что среди членов Союза художников нет представителей абхазов, она на уровне правительства Абхазской АССР и руководства Академии художеств в Тбилиси добилась, чтобы Абхазия ежегодно получала лимиты для поступления юношей и девушек абхазской национальности в Тбилисскую академию художеств.

Марине Эшба было важно иметь бóльшее представление о своем народе, наверстать годы, проведенные вдали от Абхазии, вот почему она с таким удовольствием ездила в Звандрипш, где жили родственники Тариэла и впитывала особенности деревенской жизни. Был даже построен дом для проживания, в котором мы по приглашению Марины и Тариэла бывали не раз.

Здесь, вдали от города, среди чудесных искренних людей, которые были старше неё, где преимущественно звучал родной язык, она становилась мягче, проще, счастливее, и из железной темпераментной леди превращалась в обыкновенную женщину. Особенно это было очевидно, когда она

сажала цветы или огородную рассаду близ своей сельской обители или любовалась красотой природы в высокогорной деревне.

Марина с сыном Володей

В одной из поездок в абхазское село в 1964 году Марину и Тариэла сопровождал Фазиль Искандер. Конечно, всех, кто был в доме, познакомили с поэтом. И не только взрослых, но и детей. Особое впечатление произвел приезд Ф. Искандера на девятилетнего племянника Тариэла — Игоря Хварцкия.

Разумеется, гостей пригласили к столу. Была предложена чача, которую готовила бабушка Игоря, Нуния.

За столом царила особая атмосфера: всем сотрапезникам хотелось как можно больше узнать о жизни Фазиля в Москве. Задавали массу вопросов. В беседе принимали участие не только мужчины, но и женщины. А дети слушали и очень многое запоминали. Так, например, уже более 50 лет помнит Игорь, как его тетушка Женя очень интересовалась происхождением писателя: кто по национальности и откуда родом его предки.

Фазиль отвечал стоя: «Отец мой — перс, а мать — из Джгиарды, Ахуца Мишелия, абхазка».

Присутствующие живо переглянулись: ведь у них в деревне много представителей фамилии Мишелия.

Каждый, кто когда-либо встречался с Фазилем за столом, знает, какие красивые тосты он говорил. И стихи свои он читал с особым чувством.

Можно только предположить, насколько темпераментна была речь поэта, если то застолье мальчик запомнил на всю жизнь.

Нужно учитывать, что Марина сидела за столом, где разговор шел на абхазском языке. В глазах ее светилась радость, губы были готовы сложиться в легкую улыбку. Не только я замечала, что в такие моменты Марина была особенно счастливой, потому что как никогда чувствовала себя в своей среде.

Она следила за беседой, наслаждаясь звучанием абхазской речи. Во время этого застолья за деревенским столом мы осознавали, насколько близки и понятны люди искусства жителям абхазского села.

Марину и всех моих домочадцев всегда привлекала абхазская кухня. Но для того, чтобы насладиться яствами абхазского народа, не всегда удавалось поехать в деревню. Однако в Верхней Эшере в 60-х годах заработала настоящая абхазская пацха. Мы с большим удовольствием наведывались в это заведение. И именно там Марина и мы постигали нюансы и ассортимент абхазской кухни, так что, приезжая в Звандрипш, мы вели себя настолько правильно с точки зрения абхазского застолья, что поражали даже звандрипшцев. Все уже было знакомым и естественным.

В этом ресторане национальной кухни мы часто виделись с Джумой Ахуба. Были интересные разговоры на разные темы. И, конечно, со стороны Джумы проявлялся интерес к деятельности М. Эшба и О. Брендель.

Н. Р. Акаба, М. К. Хотелашвили, М. Е. Эшба, Ш. Д. Инал-Ипа на отдыхе в г. Сочи. 80-е годы

С Мирой Константиновной Хотелашвили и профессором Шалвой Денисовичем Инал-Ипа я познакомилась в подростковом возрасте, в один из вечеров в шестидесятых годах у Марины. Шалву Денисовича я сразу восприняла как солидного человека — по возрасту он был первым представителем старейшин абхазского народа, с которым я общалась так близко.

Меня сразу же привлек его говор с особым национальным колоритом. За столом его все слушали с огромным почтением, он и задавал темы для беседы. Но его речь была построена так, что этого господства в разговоре собеседники не чувствовали. Появлялись вопросы у рядом сидящих, иногда возникала дискуссия.

Шалва Денисович открыл мне много нового и интересного в истории и культуре абхазского народа. Мира Константиновна тоже участвовала в беседе, поддерживала Шалву Денисовича, словно сообщала ему некую энергию для продолжения разговора. Но в ней я в первую очередь видела и чувствовала миловидную и даже красивую женщину, которая с удовольствием прикасалась к яствам, предложенным хозяйкой.

Новое дыхание: Париж и новизна в искусстве

В то время как в середине 60-х годов в творчестве большинства абхазских художников господствовал социалистический реализм, мою маму Ольгу Брендель уже прельщали произведения импрессионистов и постимпрессионистов. На первое место она ставила творчество Ван Гога. Писать в такой манере она еще не начала, но уже стремилась осветлить свою палитру. И это ей удавалось.

А тут вдруг в 1967 году Марина предлагает Ольге-старшей съездить вместе с ней по туристической путевке в Париж.

Вы не представляете, как они были счастливы, как наполнены впечатлениями от посещения Парижа! Ведь главное — они побывали в местах, где работали художники, ставшие для мамы особым стимулом и эталоном для дальнейшего творчества.

Они рассказывали по возвращении, как еще в самолете, при подлете к столице Франции, им обеим пришел в голову Виктор Гюго, его описание Парижа с высоты птичьего полета. Конечно, даже не бывая в Париже прежде, каждая из них имела представление об этом городе и его архитектуре.

А это был год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, и в СССР невозможно было представить хор колоколов и никому не приходило в голову сказать: «Есть ли в целом мире что-нибудь более пышное, более радостное, более прекрасное и более ослепительное, чем это смятение колоколов и звонниц»[2].

Конечно же, они побывали на Эйфелевой башне. А для того времени она была особым сооружением, т.к. Останкинская башня в Москве еще не была построена.

Для приехавших из Советского Союза туристов была запланирована экскурсия на завод шампанских вин «Мадам Клико». Эта экскурсия произвела на маму и Марину большое впечатление и, вернувшись, они много рассказывали об этом предприятии. Главное, их не только угостили бокалом шампанского, отличавшимся особым ароматом и вкусом, но и дали каждой по бутылочке с собой. Даже упаковка и та заслуживала внимания. Бутылки шампанского долго стояли и у Марины и у нас на буфетах, прельщая своим экстравагантным видом, и ждали особого момента, ради которого их можно будет открыть без сожаления.

Посещение Лувра, прогулки по парижским улицам тоже были восприняты подругами как часть творчества французских художников, придававших особу ауру их творчеству. Это в ещё большей степени утвердило О. Брендель в решении взять курс на постимпрессионизм.

Таким образом, Марина с ее парижской поездкой способствовала, что доминантой в живописных произведениях ее подруги стал цвет.

С середины 60-х годов в нашем семействе начинается очень радостный период, особенно для мамы. Реконструируется старый дом, строится мастерская. Как большой живописец она давно мечтала работать не в уголке жилой комнаты, а творить на просторах, без которых не создать больших полотен.

---

[2] **В. Гюго.** Собор Парижской Богоматери // Краснодар. 1959. С. 152.

Желание это осуществилось, конечно же, благодаря содействию председателю Союза художников Абхазии Марины Эшба. И это было заслуженное содействие. Марина лично контролировала стройку.

И вот как-то вечером летнего дня приходит Марина, но не одна. Ее сопровождает мужчина, который был нам абсолютно не знаком. Все мы сидели в саду за столом и беседовали после обеда. Во главе стола восседал дедушка Владимир Николаевич.

Именно ему первому Марина и представила своего спутника. Это был Нури Реджабович Акаба.

Гостей пригласили за стол. В день знакомства Нури Реджабович показался мне довольно суровым. Даже строгость Марины, к которой я долго привыкала, отступила на второй план. Я сразу обратила внимание, что он значительно старше Марины.

А вот вино, которое делала мама, Нури Реджабович сразу оценил как истинный знаток. Завязалась интересная беседа, зашла речь о нашем проживании в «посёлке чудаков». Действительно, местечко так и назвали. С вопросами наш гость преимущественно обращался к главе семейства. И в то же время рассказывал сидящим за столом о себе. И, конечно, беседовали об изобразительном искусстве.

Я наблюдала за гостем. От моего взгляда не укрылось, что он очень симпатизирует Марине. Но мне он показался чересчур строгим, и я несколько опасалась лишний раз поднять на него глаза. Но я заметила, что Марина, общаясь с этим человеком, выглядит счастливой.

В тот вечер мы долго сидели за столом. Всем понравилось это общение, и, конечно, Нури Реджабовича пригласили нанести новые визиты в дом у моря под дубами.

В первые годы общения с Нури Реджабовичем чувство суровости его характера не покидало меня, и между нами сохранялась некоторая дистанция. Однако встречи, разговоры и отношение к нему Марины постепенно свели на нет мою отчужденность.

Эксперимент с мозаикой

В конце 60-х годов мама получила предложение художественно оформить фасад открывающегося в зоне г. Гагры форелевого хозяйства. Конечно, это была потрясающая возможность создать что-то новое. Маме пришла идея выполнить мозаичное панно. В тот период этим жанром изобразительного искусства в Абхазии еще не занимались.

Мама, конечно, проконсультировалась со своей подругой. Достаточно выразительный рассказ, как будут представлены рыбы в своей стихии, воодушевил Марину, и ей тоже захотелось открыть для себя тайны мозаичного мастерства. Но сразу же приступить к исполнению заказа художницы не рискнули, а сделали первую попытку на стене дома Владимира Николаевича.

Материалом служили самые плоские мелкие камни — галька, выброшенная морем около дома, а также колотый белый кафель, самый обычный, каким были выложены ванные комнаты в сухумских хрущевках.

Ольга Брендель за работой

Процесс создания первого в Абхазии мозаичного панно начался. И вот на стене по морской глади уже заскользили морские суда, похожие на яхты с большими парусами, чайки с широким размахом крыльев парили над водой…

Различные формы и разнообразие кусочков колотого кафеля дали возможность изобразить каждую яхту и каждую парящую чайку не похожей ни на какую другую. Все это среди различных по цвету, но составляющих единую гамму камней. Отстоящие друг от друга камни превратились в морскую поверхность.

Дело было летом. Марина приходила в элегантном платье с поясом, подчеркивающим стройность ее фигуры, садилась на маленькую скамеечку и с воодушевлением начинала трудиться.

Работать приходилось с цементным раствором. Внешний облик изящной интеллигентной женщины сочетался в ней с большой физической силой. И какой бы материал ни попадал в руки художника, главным был стимул к созданию нового творения.

Даже сейчас, когда я вглядываюсь в фотографию, запечатлевшую ее в момент подбора мозаики, я снова вижу, как она охвачена процессом создания этих незатейливых элементов будущего мозаичного панно и улыбается, счастливая тем чудесным счастьем, которое дает человеку искусство.

Через полтора месяца стена дома была украшена выполненной подружками работой. Она и сегодня здесь же, со мной. Напоминает о тех радостных днях.

Итак, по мнению самих авторов, они справились с поставленной задачей и создали первое в Абхазии мозаичное панно. И теперь уже без опаски, с большим энтузиазмом приступили к оформлению фасадов форелевого хозяйства.

Прощай, Владимир Николаевич!

Как раз в конце 60-х годов распался брак Марины с Тариэлом Аршба. Состоялся развод. Процесс был сложным и продолжительным.

Марина не ожидала, что расставание с Тариэлом может вылиться в скандал, который обсуждали по всей Абхазии. Для Марины Эшба наступило сложное время. Единственное место, в котором она находила поддержку, был наш дом. Но бывали дни, когда она даже моей маме старалась не показывать, в каком ужасном состоянии находится из-за своих переживаний.

Это длилось не один год. Тем не менее она продолжала работать и как председатель Союза художников Абхазской АССР заботилась о членах организации.

А в 1972 году умер В. Н. Брендель. Это была невосполнимая утрата не только для нашего семейства, но и для М. Эшба.

Она очень часто беседовала с дедушкой. У них были свои разговоры. Ее интересовало отношение отца к творчеству дочери. Оценка работ мамы была дана им на основании выполненного ею «Автопортрета» (1959 г.). Владимир Николаевич оценивал его так же, как Григорий Григорьевич Мясоедов, оценивая работы своего сына Ивана Мясоедова, сказал: «Ты — настоящий художник».

Осветлению палитры дочери дедушка тоже придавал большое значение, но все-таки на первое место среди ее работ ставил «Ирисы» (1961 г.)

М. Эшба поражалась, как Владимир Николаевич, которому было уже под 90 лет, писал воспоминания о юности Г. Г. Мясоедова, предназначавшиеся для последующего издания. Он старался убедить Марину, что ей непременно надо написать воспоминания о своем отце, подчеркивал, что мемуары ближайших родственников особенно интересны для последующих поколений.

Именно дедушка познакомил Марину с нашим соседом Владимиром Орелкиным и другими нашими соседями из числа интеллигентов, лучших представителей русского сообщества Абхазии, для которых маленькая страна у моря стала родиной. Владимир Орелкин великолепно знал историю Абхазии, ее горные тропы и ущелья, участвовал в археологических раскопках вместе с известными учеными-археологами.

Рядом с нами жил еще один исключительный человек — художник Владимир Контарев. Общаясь с ними, обоими, Марина постепенно поняла и почувствовала, как сказалось на жизненном укладе обоих мужчин пребывание в сталинской ссылке. Мы все понимали, почему Марину так интересуют эти люди, общаясь с ними, она думала, каким бы был ее отец, если бы не был уничтожен, если бы вернулся домой.

Дедушка живо интересовался жизнью Абхазии. Едва войдя в калитку, Марина устремлялась к дедушке и первым делом с большим удовольствием рассказывала ему обо всех происходящих в республике событиях. А дедушка любил побаловать Марину игрой на виолончели и фортепиано. Он исполнял произведения классиков. По рассказам старших Марина знала, какие вечера-концерты устраивала в прежние годы интеллигенция Сухума, и в них непременно участвовал и Владимир Николаевич.

И вот человек, который был для всех нас живым воплощением ускользающей эпохи, покинул свои любимые дом и сад, и нас, осиротевших...

Марина была рядом с нами, с мамой, стараясь несколько смягчить удар, нанесенный кончиной Владимира Николаевича маме и мне. Похоронили дедушку на кладбище в Каштаке. И, конечно, Марина хотела увековечить память о нем на его могиле. Они с мамой долго обсуждали, каким именно должен быть памятник. Они решили, что душе дедушки будет приятна мозаичная работа, представляющая картину мамы, которая ему особенно нравилась.

И вот две подруги взялись перенести живописное полотно «Ирисы» (1961 г.) в мозаичное и выполнили ее из кусочков смальты. Как же они оказались правы!

Я отвлеклась от судьбы самой Марины Ефремовны. Она больше не была связана с Тариэлом Аршба, а между тем Нури Реджабович Акаба, который не скрывал своего отношения к ней, был направлен на работу в Тбилиси. В это время Марина полностью погружается в создание особого для нее произведения — мемориала отцу, Ефрему Эшба.

Из этого факта можно заключить, что творчество для Марины Эшба, а тем более в этот момент, когда речь шла об отце, оказалось выше и важнее личной жизни.

Вместе с архитектором Г. Гватуа они работают над монументом. Сколько души, тепла, профессионального мастерства вложила Марина в этот памятник! Она вспоминала отца, перед ней всплывало далекое прошлое, когда он был рядом с ней. Конечно, советовалась с матерью и сестрой, но в основном доверяла собственной памяти и интуиции.

Марина Эшба как дочь и как скульптор выполнила свою миссию, оставив на долгие годы абхазскому народу память о великом человеке, познакомившем Америку и Европу со своей страной. А для нее он оставался прежде всего обожаемым отцом.

Безусловно, для Марины была важна оценка людей, увидевших памятник, хотя не было ни малейшего сомнения, насколько этот монумент значим для народа.

Открытие памятника Ефрему Эшба в 1973 году было историческим событием. Публики, которая пришла увидеть это творение, собралось много. Марина осознавала, что люди восприняли и признали достоинства монумента, хотя его архитектурное решение и сама скульптура отличались от тех, которые были привычны в тот период.

1973 год стал началом нового этапа ее жизни. В тот год она решилась соединить свою судьбу с Нури Акаба и, наконец, с сыном отправиться в Тбилиси.

Как жили «молодожены» первый год в столице Грузии, в нашем семействе было известно мало. Подруги, конечно, общались, но это были непродолжительные телефонные разговоры. Но мама почувствовала, что бытие Марины складывалось не совсем так, как она хотела. Проходит немного времени, и Володя Аршба из Тбилиси отправляется в Москву, в семью Лизы, с которой жила и бабушка Мария Владимировна, а Марина приезжает в Сухуми.

Нет, это вовсе не был разрыв отношений с Нури Акаба, как могло показаться со стороны. Можно было предположить, что Марина, привыкшая властвовать и дома и на работе, не могла уступать Нури Реджабовичу с его мощной натурой. И уж тем более вряд ли она могла смириться с тем, что в Тбилиси она превратилась в домохозяйку. Творить не могла: не было ни материалов, ни мастерской. А мастерская в Сухуме звала и манила. Я зна-

ла и даже больше чувствовала, чем знала, что жизнь Марины в Тбилиси протекала непривычно для нее самой — замкнуто, словно под створками скорлупы, и она понимала, что привыкнуть к этому вряд ли сможет. Вернувшись домой, она сразу устремилась в мастерскую.

Ольга Брендель с семьей Абрамян–Эшба

Нури Реджабович уехать вслед за супругой пока не мог, поскольку бросить работу при его положении было невозможно, он должен был выполнять её в соответствии с приказом.

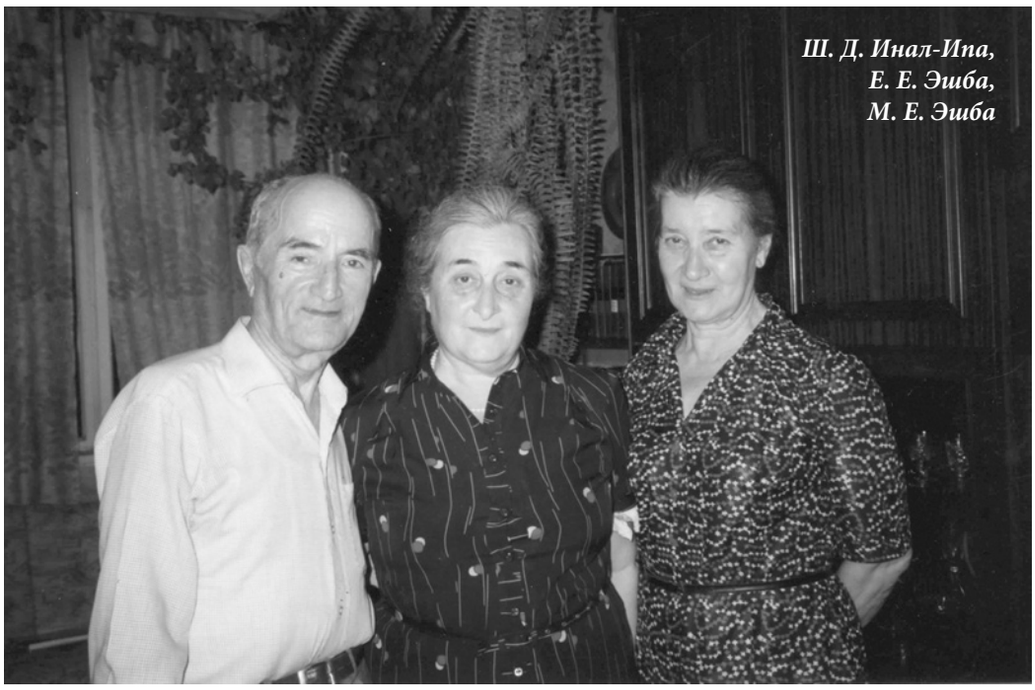
Однако со временем, уже после переезда Марины, становится известно: Нури Реджабович тоже уже может покинуть Тбилиси. Остается обменять тбилисскую квартиру на жилплощадь в Сухуме.

В нашем доме всегда было много гостей и знакомых, и всех, конечно, поставили в известность: меняется тбилисская квартира на равноценную в Сухуме. И вот родители моей одноклассницы сообщили, что их сосед, сотрудник СФТИ, как раз меняет трёхкомнатную квартиру в Синопе на аналогичную в Тбилиси. Так Нури Реджабович возвращается домой. По возвращении его назначают председателем областного совета по туризму. Это непростая, но штатская работа, у Нури Реджабовича появляется больше свободного времени и он вечерами очень часто бывает у нас. Он проезжал мимо дома, где была его новая квартира, и спешил к нам, прежде всего к маме, конечно, в надежде, что она поможет наладить его отношения с Мариной после некоторой размолвки, связанной с её отъездом в Сухум. Не знаю, действительно ли помогла мама или Марина и Нури Реджабович сами преодолели разногласия, но Марина покидает свою квартиру на Чочуа и переезжает жить в Синоп. Теперь она живет почти рядом с нами. Тем не менее творческая жизнь Марины продолжалась в мастерской на Чочуа, и она очень часто бывала там. Но путь туда стал более долгим, т.к. помещение для творчества находилось во дворе дома, где размещалась её квартира.

С этого времени я почувствовала доверие к Нури Реджабовичу. Он оказался на удивление теплым, душевным человеком. Для меня он стал просто дядя Нури. Некоторая боязнь по отношению к незнакомому еще недавно человеку уступило место близости и чувству родства.

Марина достаточно часто приглашала нас к себе. Но на свой день рождения, который приходился на 1 мая, дядя Нури приглашал нас сам. Помню, как я впервые присутствовала на этом семейном торжестве.

Неизвестным для меня в компании оказался только один человек — Жорик Акаба, сын дяди Нури. Он показался мне добрым, душевным парнем.



Ш. Д. Инал-Ипа,
Е. Е. Эшба,
М. Е. Эшба

И, как я убедилась за долгую жизнь, я не ошиблась. Но больше всего я была рада увидеть здесь своего старого знакомого Шалву Денисовича Инал-Ипа. Он был другом дяди Нури.

Марина снова выступала в роли великолепной хозяйки. Занималась приготовлением вкусных деликатесов. И среди блюд, украшающих стол, первенство держали национальные абхазские яства. И в компании друзей славились ее вкуснейшие торты по оригинальным рецептам.

Марина создала особый уют в новой квартире. Одна из комнат была выделена ей. В ней сосредоточились все ее архивные материалы. Висел ее портрет, выполненный В. Бубновой. Комната выходила окнами на шоссе, за которым простиралась морская гладь. Однако эта новая квартира все-таки не так манила меня, как прежнее жилье Марины на улице Чочуа.

Я уже писала, что энергичная натура Марины, унаследованная ею от отца, требовала широкого поля деятельности — для нее было важно быть полезной людям, помогать им. И это касалось не только профессиональной ее деятельности. Она видела, что все подвижнические инициативы абхазской интеллигенции пресекаются на корню, народу не дают развиваться на собственной родине.

С конца 70-х годов прошлого века начинается новый этап в судьбе Абхазии, вскипает очередная мощная волна национально-освободительного движения, и Марина Эшба как человек тонкий, творческий, сразу это почувствовала. И, конечно, не могла оставаться в стороне. Она была в самой опасной глубине этой волны. Всю свою энергию она направила на общественную деятельность, чтобы добиться значительных изменений в жизни абхазского народа (1978 г.).

Тем не менее, возвращаясь после встреч и выступлений, она шла в мастерскую — работать!

Если же к вечеру Марина уставала настолько, что руки не подчинялись мыслям, не слушались, а воображение и вовсе отказывалось служить, она бросала все дела и мчалась к Ольге Брендель. В нашем доме она погружалась, как сама любила подчеркивать, в особую ауру, которая восстанавли-

вала её физические силы и возможность осмысливать происходящее и вокруг, и в самой себе.

Она просто говорила нам, что устала и приехала отдохнуть. Лучшим отдыхом для Марины было общение с нами, ее интересовала наша жизнь, все ее нюансы. В разговорах проходили вечера, во время которых она была яркой, раскрепощенной.

Во время таких визитов дядя Нури сопровождал ее редко. Теперь он сам, выкроив минутку, мог запросто заехать к нам и без Марины. У него была служебная машина, и он заезжал после работы, причем точно так же, как и Марина, говорил, что приехал отдохнуть.

Отдыхал он за столом. Обедал и пил наше вино, которое ему очень нравилось. И, конечно, вел беседы о жизни.

Все так и шло своим чередом. 1 мая мы, как обычно, отправлялись поздравлять с днем рождения дядю Нури. За столом собирались Шалва Денисович Инал-Ипа, сын дяди Нури Георгий, бывало, присутствовали и их соседи — один из ведущих физиков СФТИ Нодар Размадзе и его жена Валентина Деменина, врач, специалист по заболеваниям легких. Прекрасные, светлые, интеллигентные люди.

Я училась в школе вместе с их дочерью Еленой. Они приезжали к нам по выходным и почти всегда брали с собой Марину.

В 1978 году я окончила институт, но в течение двух лет устроиться на работу мне не удавалось. Да и маме было трудно найти заказы, которые оплачивались. И тогда маме пришла идея написать мой портрет в неожиданном ракурсе — «Неустроившийся специалист». Задумала она эту работу большого размера. Частые визиты Марины не позволяли ей расслабляться, подстегивали работать оперативно.

Из-за отсутствия стабильного заработка пришлось решиться осенью 1979 года сдать гостевую комнату в доме курортникам. И вот по просьбе наших московских родственников в жилище на берегу моря приезжает Владимир Михайлович Золотарёв — ведущий научный сотрудник математического института им. Стеклова.

Вечером появился дядя Нури. Мы по обыкновению сидели за столом, за тем самым, столешница которого была выложена из смальты. А сверху спускались и оплетали беседку лозы винограда. На столе стояли кувшины с вином и много вкусных яств: по случаю приезда московского гостя был приготовлен праздничный обед.

Я заметила, что наш гость уже в день знакомства вызвал у дяди Нури уважение и интерес, как я тогда сказала самой себе, «он воспринял этого человека высоко». Своими впечатлениями он поделился с Мариной, и она приехала познакомиться с гостем на следующий день. А сам дядя Нури, будучи главным «покровителем» туристов, прибывающих в Абхазию, вызвался лично показать Золотарёву город. Дядя Нури за рулем как заправский гид провез нашего гостя по самым прекрасным местам. Поездка не прошла даром. Вдохновившись красотой Сухума, утопающих в зелени домов, Владимир Михайлович уже в первый приезд (1979 г.) задумал осуществить интересный проект. Правда, мы узнали об этом гораздо позже.

Хоть Владимир Михайлович был по профессии математиком, он хорошо разбирался в искусстве, а побывав в мастерской Марины, он и вовсе утвердился в правильности своей задумки. Правда, от идеи до воплощения

прошел не один год. Но тем не менее в октябре 1987 года в Сухуме состоялся Международный семинар по проблемам непрерывности и устойчивости стохастических моделей. К проведению этого семинара были причастны также и Марина с Нури Реджабовичем.

К юбилею Ольги Брендель

С начала 1983 года Марина Эшба стала просиживать в маминой мастерской долгие часы, просила извлечь из потаенных уголков то одну, то другую работу. Она сосредоточенно перебирала холсты, что-то обдумывала.

Приближался мамин юбилей, и Марина считала, что лучший способ отметить его — подготовить персональную выставку Ольги Брендель.

Выставка не просто состоялась. Без ложной скромности, она произвела фурор. На ней были представлены многие десятки работ, большая часть которых была отобрана Мариной Эшба лично. К юбилею был издан и каталог, вводную статью к которому также написала Марина.

В нашу жизнь ворвалась война

Шло время… Мама увлечённо писала в мастерской, а я готовилась к защите диссертации. По вечерам к нам приезжали или дядя Нури, или Марина. Расспросив, как продвигаются дела, они сообщали новости политического характера. В воздухе пахло грозой, но я в то время была молода и не могла в полной мере оценить ситуацию и предвидеть, что окажусь свидетелем таких страшных и в то же время грандиозных событий.

И гром грянул 14 августа 1992 года. Его раскаты потрясли всех жителей Абхазии. Началась война.

Мы с мамой остались в своем доме (нам некуда было ехать), а Марина и дядя Нури, как и большинство сухумчан, уехали в Москву.

***

Осень 1993 года навсегда останется в моей памяти наполненной грустью, трауром и поначалу даже некоторой безысходностью. Но само слово Победа, ее дух вселял надежду на лучшее.

Мы постоянно думали о Марине и дяде Нури, не знали, возвратились ли они. Я и сегодня помню это чувство — ожидания желанной встречи.

И вдруг однажды ведущая в наш сад калитка стремительно распахнулась — и вошли они. И даже не вошли… Так врывается радость с порывом весеннего ветра, так врывается молодость в родительский дом… Это были они — родные, долгожданные…

Сколько было вопросов, ответов с обеих сторон, сосчитать невозможно. Мы обнимали, разглядывали друг друга, отмечая едва заметную печаль, сквозившую сквозь улыбки. Война оставила свою печать на лицах всех, кто выжил во время войны, и жизнь каждого из нас, живых, была оплачена ценой тысяч жизней лучших сынов Абхазии.

Вместо эпилога

Я приближаюсь к концу своих заметок и, увы, приближаюсь к печальным событиям в наших семьях. Марина, превозмогая себя, старается и в трудной послевоенной сухумской жизни найти оптимистические мотивы для настроения и дальнейшей работы.

Именно работа помогла в тот период Марине стряхнуть с себя тяжесть войны, найти людей, которых ей было интересно лепить. Она приглашала в мастерскую ветеранов, матерей, потерявших сыновей, и, работая, общаясь и раскрывая в беседе сущность доверившегося ей человека, превращала посредством глины неосязаемое в прекрасный скульптурный портрет. В этот период она создает целую серию лучших своих станковых портретов.

А между тем для самой Марины это было время потерь. Заболела и ушла в лучший мир младшая сестра Лиза. Болезнь приковала к постели Нури Реджабовича. Марина не потеряла присутствия духа и, проявив неведомые прежде качества сиделки, не только находила силы подбодрить супруга, но и сама искренне верила в его выздоровление. Никому не дано знать, насколько ей удалось продлить жизнь близкого человека, но заботой, вниманием и любовью она, вне всякого сомнения, облегчила его последние мгновенья.

После ухода Нури Реджабовича она чаще стала наведываться в Москву, где поселился сын Володя с семьей, где подрастала внучка Алиса, где всегда ждали ее и в семье Лизы, и дорогая кузина режиссер Нелли Ражденовна Эшба, и подруги, в том числе Вера Михайловна Акимушкина, с которой они когда-то создавали вместе Лыхненский комплекс. В эти годы в ней проснулась мягкая домашняя женская сущность — она с удовольствием общалась с внучкой и сыном.

Ее первого мужа Тариэла Леонтьевича Аршба уже не было в живых. Во время войны он возобновил издание в Москве газеты «Абхазия», которая очень поддерживала в непростое время абхазскую диаспору и раненых бойцов, восстанавливающих здоровье в госпиталях российской столицы.

***

Представленный материал является не просто оценкой творчества Марины Эшба, а прежде всего данью светлой ее памяти.

Надеюсь, что мои воспоминания и личные впечатления все-таки несут индивидуальную информацию, информацию интересную и ранее широкому кругу читателей не известную.

Уверена, воспоминания о Марине Эшба многим знавшим ее помогут восстановить ее образ в памяти, а молодому поколению живущих в Абхазии — познакомиться с большим художником, яркой личностью и прекрасной неординарной женщиной.

Благодарю всех, кто откликнулся на мою просьбу и помог в издании этой книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г. Д. Дзидзария. Ефрем Эшба // Сухум, Алашара. 1967.

2. В. Гюго. Собор Парижской Богоматери // г. Краснодар. 1959.

3. З. Цвижба. Мемориал памяти народной // Советская Абхазия. 1990. 05.10.

4. Б. Аджинджал. Творец // Республика Абхазия. 2004.11. 6–7.

5. В. С. Орёлкин. Оды 1967–1911. Рукописи из личного архива О. Брендель.

6. Боль утраты // Газета «Нужная». 2002. 05. 21.

7. Статьи в газете Советская Абхазия с 1959 по 2002 годы.

БИОГРАФИЯ ЭШБА Е. А.

Ефрем Алексеевич Эшба родился 7 (19) марта 1893 гг. в селе Бедиа (Агубедиа) Сухумского округа Российской империи.

В 1913–16 гг. учился на юридическом факультете Московского государственного университета, во время учебы в 1914 году вступает в партию большевиков (РСДРП(б)).

В 1917–18 гг. работает на должности председателя окружкома РСДРП(б) в Сухуме.

В 1918–22 гг. занимает должность заместителя председателя Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б).

В 1920 году по личному поручению В. И. Ленина Ефрем Эшба вместе с Нестором Лакоба был направлен в Турцию, где с декабря 1920 г. по март 1921 г. они работают над проектом Договора между РСФСР и Национальным собранием Турции (Кемаль Ататюрк), который был заключен на выгодных для Советов условиях.

В 1922–24 гг. Е. А. Эшба работает на посту 3-го секретаря ЦК КП Грузии, секретаря ЦК в Чечне, а затем — председателем ВРК и председателем ЦИК Абхазии. Является делегатом XIX съезда РКП (б).

С 1925 по 1927 гг. Е. А. Эшба находится на ответственной дипломатической работе в США и Великобритании.

Во времена бериевщины, в условиях «культа личности» Сталина, Е. А. Эшба был арестован, отправлен в ссылку, а в апреле 1939 г. возвращен в Москву, в застенки НКВД, и расстрелян.

Реабилитирован в 1956 году.

СТАЛО ИЗВЕСТНО ПОДЛИННОЕ МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ ЕФРЕМА ЭШБА

На могиле деда побывал его внук

Найдено подлинное место захоронения великого абхаза — блистательного дипломата, политика и общественного деятеля Ефрема Алексеевича Эшба. В 1936 году он был арестован как «враг народа» и отправлен на Колыму. Впоследствии след его был потерян. Было известно, что один из самых ярких представителей абхазского народа, выпускник Московского университета, дипломатический представитель молодой Советской страны в Великобритании и США Ефрем Эшба попал в опалу, а впоследствии был зверски уничтожен. Но когда, где?

Недавно его внук — музыкант Виктор Абрамян, сын младшей дочери Ефрема — Елизаветы Эшба вернулся из поселка Коммунарка бывшего Троицкого района Подмосковья, 21-й километр Калужского шоссе (теперь это Новая Москва), где на территории бывшего закрытого объекта НКВД состоялось открытие Стены памяти. На стене — имена 6 000 невинно убиенных жертв сталинско-бериевского режима. И среди тысяч имен — имя нашего великого земляка. Известно и время расстрела — 16 апреля 1939 года.

Виктор рассказал, что с 1991 года, как только открыли архивы КГБ, его родители и сестра мамы Марина Ефремовна Эшба стали искать сведения о судьбе Ефрема Алексеевича. Предположения, что Ефрем Эшба был расстрелян на Лубянке и похоронен недалеко от Москвы, были уже в то время, но подлинное место захоронения удалось обнаружить только теперь — в братской могиле в лесу, на что указывают найденные в архивах документы со списками расстрелянных.

К сожалению, ни Марина Ефремовна, ни Елизавета Ефремовна, ни отец Виктора — Абрек Ашотович Абрамян не дожили до сегодняшнего значимого дня.

Виктор признался, что, хоть он и родился спустя 17 лет после смерти деда, оказавшись у Стены памяти, испытал острые чувства, словно все случившееся с тысячами умных, талантливых и безжалостно оболганных людей, случилось на его глазах. Первым, кому он позвонил, чтобы поделиться эмоциями, был его живущий в Сухуме двоюродный брат Владимир Аршба — еще один внук Ефрема Эшба, сын скульптора Марины Эшба и известного журналиста Тариэла Аршба.

Такая встреча во времени стала возможной огромной работе Московского отделения общества «Мемориал».

Юлия СОЛОВЬЕВА
(Газета «Республика Абхазия», № 115 от 31.10.2018)

Содержание:

Вместо предисловия 3

Биографический очерк 5

ЕЕ НАЗЫВАЛИ ПОЭТЕССОЙ АБХАЗСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ.
Отзывы современников о жизни и творчестве Марины Эшба.....19

САМЫМ ВАЖНЫМ ДЛЯ НЕЕ БЫЛО,
ЧТОБЫ АБХАЗСКОЕ ИСКУССТВО СОСТОЯЛОСЬ.
Воспоминания о Марине Эшба 28

ДАРУЯ ТАЛАНТ, БОГ НЕ ВЫБИРАЕТ,
КОМУ ОН ЕГО ДАЕТ, — МУЖЧИНЕ ИЛИ ЖЕНЩИНЕ… 53

Литература 77

Примечания.....78